

НИНА ОПАЛЬКО

Украсть
мечту

16+

Нина Опалько

Украсть мечту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27573681

SelfPub; 2018

Аннотация

У нашей реальности есть изнанка – мир, где люди обладают магией, но лишены воображения. Чтобы выживать, им приходится отправлять стиллеров воровать идеи в нашем мире. А на черном рынке лучший товар – украденные мечты. Лианелла, стиллер в отставке, получает крупный заказ на мечту о спасении мира. Затея кажется безумной, но она берется за работу, потому что в собственном мире на нее открывают охоту. А еще у Лианеллы есть тайна: одну мечту она оставила себе.

Содержание

Глава 1. Джарвин	6
Глава 2. Вероника	21
Глава 3. Ама	36
Глава 4. Ли	51
Глава 5. Вальд	65
Глава 6. Джарвин	79
Глава 7. Вероника	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Украсть мечту

Автор – Опалько Нина (opalko_nina@mail.ru)

«Вообразите себе, что разучились воображать. А впрочем, не старайтесь – все равно не выйдет. Вы живете, дышите воображением, оно составляет саму вашу суть. Весь прогресс, все достижения, все ваши мечты и чаяния родились из воображения. Воображения, которого мы лишены. Спросите, кто «мы»? Люди Изнаночного мира. Или, как мы сами его называем, Изнанки.

Наши миры существуют связно и неразрывно, как полотно вышивки: лицевая сторона и изнаночная. Но между ними всегда остается грань, нерушимая стена, скрывающая нас друг от друга. Разве узелки с изнанки могут дотянуться до крестиков вышивки? Создатель, должно быть, вволю насмеялся, когда отсек наши миры и поделил поровну главные сокровища человечества: воображение и магию. Вашему миру досталось воображение, нашему – магия. Но чего стоит магическое искусство без фантазии? То-то и оно.

Наш мир грозился погибнуть, едва родившись. Без воображения мы не могли ни строить дома, ни обеспечивать себя необходимыми благами, ни двигаться вперед. Наша магия не помогла найти верный путь, но показала тех, у кого идей было в избытке. Вас, счастливых и беспечных жителей Лицевого мира.

И мы научились воровать. Сначала – идеи, чертежи и про-

екты, потом – сны, фантазии разного толка и даже ваши мечты. Ох уж эти мечты! Знали бы вы, как они ценятся нашими богачами и за какие суммы продаются на черном рынке!

Когда наутро вы не можете вспомнить, что вам снилось, когда еще недавно знали решение проблемы, а теперь – пшик – и оно испарилось, когда страстно чего-то желали, а сегодня вдруг решили, что это сушная глупость – знайте, это наша работа. У вас украли сон, идею или, того хуже, мечту.

Вы можете сказать, что воровство – это путь в никуда, и будете правы. Рано или поздно любой из нас оказывается в тупике. Но разве бывают по-настоящему безвыходные ситуации?»

из письма Лианеллы, стиллера I категории

Глава 1. Джарвин

Джарвин летал по комнате и безуспешно пытался поймать кота. Наглый рыжий Плут, по нелепой случайности попавший под заклинание левитации, справлялся с полетом куда лучше, чем сам маг. Кот безмятежно парил под старенькой бронзовой люстрой, и все его шерстинки нахально топорщились в разные стороны, выражая крайнюю степень презрения к неуклюжему человеку. При любой попытке схватить этого наглеца кот лениво, хоть и весьма ловко, отплывал в сторону.

Пришлось бросить все силы на освоение полета. Через полчаса бесплотных попыток Джарвину все же удалось извернуться, сделать двойное сальто в воздухе и ухватить Плу-та за непомерно длинный рыжий хвост. Раздались два крика: один – возмущенный, другой – торжествующий. Джарвин подтянул к себе кота, обхватил двумя руками свою добычу и принялся размышлять, что делать дальше. И так глубоко задумался, что надрывный скрежет двери заставил его вздрогнуть и ослабить хватку. Плут такой беспечности не простил и огненной молнией выскользнул из рук. Джарвин чертыхнулся.

– Что, рыжие, летаете? – раздался от двери скрипучий голос.

– Не смейся, Старец, лучше дай-ка мне вон ту зеленую

колбу! – Джарвин неопределенно махнул рукой в сторону длинного, когда-то кухонного, стола.

Взаправду гостя звали отнюдь не Старцем. Нет, звать-то звали, но у него было настоящее имя, вполне себе человеческое. Только вот с десятков лет назад угораздило Старца выпасть из дирижабля, да так, что всю память отшибло. Сколько бы он ни силился, а имени своего вспомнить никак не мог. Родных и друзей найти тоже не удалось, все по той же причине потери памяти. И тогда пришлось бедолаге подавать прошение в Ведомство имен, где его записали в регистрационную книгу следующим образом: «почтенный старец №309». По сей день ответа из ведомства не пришло, так что по документам он ныне числился как Почтенный Старец Номер Триста Девять. Друзья, разумеется, звали его просто Старец. А Джарвин был как раз его другом, хоть и годился старику во внуки. Оттого-то Старец простил наглому юнцу непочтительность и без ворчания отправился к столу на поиски колбы.

Искать пришлось долго. Этот мальчишка, Джарвин, ничего не смыслил в порядке, и вечно создавал вокруг себя такой завал зелий, снадобий, трав, корешков и поди-разбери-чего, что Старец только диву давался. Придется-таки выбрать свободный день, да навести порядок в этом фургоне. На удачу, зеленая колба на столе обнаружилась только одна. Ее-то он и поднял на вытянутой руке настолько высоко, насколько хватало его невеликого роста.

Джарвин изловчился, вошел в пике и перехватил колбу у Старца. На лету откупорил, резким движением плеснул себе на лицо зеленую жидкость, а остатки вылил на Плути, который из любопытства подлетел слишком близко. Кот камнем рухнул вниз, да не куда-нибудь, а ровнехонько на лысую голову Старца, неуклюже соскользнул с нее и вцепился всеми лапами – по ощущениям старика лап было с десяток, не меньше – в длинную седую бороду. Следом упал Джарвин, но хоть этот совестливо приземлился на почтительном расстоянии от гостя.

Мальчишка поднялся, попытался пригладить торчавшие в беспорядке медные волосы, потом понял, что затея бессмысленная и неуклюже, расшатываясь из стороны в сторону после долгой левитации, отправился походкой кузнечика, смешно переставляя длинные ноги, к рабочему столу. Схватил блокнот и принялся в нем что-то зачеркивать и дописывать.

– Джар, – неловко позвал Старец через пяток минут, – Я до сих пор тут, стою посреди комнаты, как старый пенёк на лужайке.

Джарвин поднял на гостя растерянный взгляд небесно-голубых глаз, прищурился, будто пытался что-то сообразить, и вдруг очнулся:

– Ох, Старец, прости! Эта работенка сведет меня с ума. И зачем я только согласился? Капитаны Союза воздухоплавателей, кажись, со своими дирижаблями сами уже умом тро-

нулись, а теперь и меня за собой утащить решили. Нет, вот уж нет, не дождутся! – Джарвин было воспылал праведным гневом, но тут вспомнил о своем госте, – Опять меня понесло, да? Ты садись, садись. Чаю будешь?

Старик опасливо покосился на стол, заставленный зельями до самого оконца под потолком, и спешно отказался:

– Спасибо, воздержусь. А вот присесть не откажусь, – и, подтверждая слова делом, ловко примостил свою сухонькую фигуру на длинном потертом диване.

Приветственно скрипнули пружины в недрах красного бархатного чудища, вероятно, еще расцветной эпохи. Подлокотник услужливо приподнялся, помогая Старцу сохранить равновесие.

– Ишь, какой заботливый! Характер то у него помягче стал, как я посмотрю. Твоя работа, Джар?

– Старец, только не говори, что ты тащился на другой конец города ради того, чтобы потолковать о нраве дивана!

– Я, может, и выжил из ума, но уж не настолько, знаешь ли.

– Так что же тебя заставило покинуть великий и ужасный пост младшего секретаря Корпорации Воображения?

– Как раз мой пост и заставил, – встретив изумленный взгляд Джарвина, старик поспешил пояснить, – Пришла бумага из отдела взыскания. По душу Лианеллы.

– Что? Ли? Нашей Ли?

– А ты будто знаешь еще одну Лианеллу! Только нашу ге-

нератор имен наградил таким безобразием.

– Но что отделу от нее нужно? Она же в отставке три года уже, не меньше.

– Сам знаешь, как у нас бумаги ходят. Я вон до сих пор новое имя жду.

Не было такой темы, которую Старец не свел бы к своему имени. Приди ему в голову столь же усердно вспоминать прошлую жизнь, он давно бы уже выяснил свое настоящее, всамделишное имя, данное ему генератором. Впрочем, зная таланты этой ужасающей машины, некоторые имена лучше было и не вспоминать.

– Ладно. Так что им надо то?

– Они хотят изъять морфеев проводник.

– Быть не может! Талисманы никогда не забирают. Кому нужны чужие пустые? Первый же стиллер свихнется, если попробует влезть в пустую Лианеллы.

– Джар, я все понимаю. Но я собственными глазами видел приказ. Вернее сказать, приказы. По одному на каждого стиллера в отставке.

– Что? На всех? Погоди, так что же это получается? На Лицо смогут ходить только стиллеры Корпорации?

– Получается, так. Изъятие уже начали, морфеевы проводники забирают даже у таких ветеранов, как наша Ли. Поговаривают, что талисманы уничтожают. Камни достают, а оболочку – на свалку.

– Но зачем?

– Если бы я знал, Джарвин, если бы я знал. Но в одном я уверен. Если Ли хочет остаться в деле, ей придется бежать. Где она сейчас?

– Спит.

– Давно?

– Три месяца. Просыпается только изредка по ночам, да и то сразу убегает на тренировку, я ее почти не вижу.

– Так долго? Джар, ты же напоминаешь ей, что нельзя столько торчать на Лицевой стороне?

– Она и без меня это прекрасно знает. Только кого Ли когда слушала? Утверждает, что пустая на нее не влияет.

– Все они так говорят. И на всех стиллеров пустые влияют одинаково. Нельзя вот так запросто жить на Лице, думать, как лицевики, и вернуться домой таким же, как и был. Единжды попробовав воображение, уже никогда от него не откажешься.

– Да, Ли говорила, что не задумываясь променяла бы на него магию.

– Это она так говорила, потому что никогда толком ворожить не умела. Будь она столь же одаренным магом, как ты, не отказалась бы от магии ни за какие коврижки.

– Если ты не забыл, Старец, то именно ее коврижки делают меня таким талантливым магом. Где бы я был, если бы не идеи с Лицевой стороны?

– Брось, ты и сам справился бы.

– Не подбери меня Ли в Сером квартале, я бы ни с чем

не справился.

– Опять ты за свое! Сколько уже прошло, пять лет? Теперь ты сам заботаешься о Ли, разве нет?

Верный ход. Джарвину только-только стукнуло семнадцать лет, и он почитал себя страшно взрослым и самостоятельным. А Старец всегда знал, за какие ниточки потянуть.

Юноша приосанился, и беспокойство в его глазах сменилось горячей решимостью:

– Так и есть, теперь я о ней забочусь. И позабочусь, чтобы Ли не было в городе, когда за ее морфеевым проводником придет отдел розыска. Когда их ждать?

– Так сразу и не скажешь. Приказ завизирован, ждет исполнения. А исполнение, сам знаешь... хоть через день, хоть через неделю, хоть через год... – старец осекся, услышав стук в дверь, – Хоть сейчас! Быстрее, Джар, прячь Ли!

Джарвин метнулся через весь фургон, туда, где тяжелые атласные занавеси скрывали в нише кровать, на которой Ли спала во время путешествий на Лицевую сторону. Он резко откинул в сторону синий полог, ловкими движениями снял капельницы, скинул со стены трубки и попрятал под кровать многочисленные колбы. Потом кинул встревоженный взгляд на бледную черноволосую девушку – до чего же исхудала! – и наклонился к ее лицу, чтобы капнуть на губы зелье невидимости. Через три удара сердца Ли исчезла.

Старец выдохнул с облегчением и жестами попросил пипетку с зельем. Джарвин догадался, что младший секретарь

прибыл с незаконным визитом и теперь не жаждет, чтобы отдел взыскания застукал его у отставного стиллера в рабочее время. Быстрым движением юноша передал Старцу пузырьек зелья, кинул вслед пипетку и отправился открывать дверь. Сердце неровно колотилось в груди, а мозг лихорадочно выуживал из глубин памяти все уроки Ли.

Новый стук, уже более резкий и требовательный, заставил Джарвина ускорить шаг и неловко схватиться за ручку. Скрип двери заполнил все пространство и без того тесного фургона. На пороге юноша ожидал увидеть служащего в такой же как у Старца фиолетовой мантии. Но посетитель был одет в черное, да еще и щеголял в широких брюках строгого кроя, что никак не выдавало в нем сотрудника Корпорации Воображения. Да и возраст у него, откровенно говоря, неподходящий – посетитель был хоть и суров и бородат, но ему даже с натяжкой не дашь больше тридцати пяти лет. Таких юнцов в служащие не берут.

– Приветствую вас, – заговорил глубоким низким голосом незнакомец, – Джарвин, полагаю? Разрешите представиться, меня зовут Иль. Я к вам по делу.

– По какому?

– По частному. Не будете ли вы так любезны пригласить меня внутрь? Боюсь, мой вопрос требует приватного обсуждения.

Джарвин колебался. Статный светловолосый незнакомец, дорого одетый, с гордо выпрямленной спиной и уверенным

взглядом темных глаз, обескуражил юношу. Здесь, в центре шумного и грязного Красного квартала, на задворках Большого рынка, среди полуденного гама торговцев, криков рабочих, табачного дыма и нестерпимого запаха специй, посетитель выглядел столь неправдоподобно, что магу никак не удавалось принять решение. И все же он пустил незнакомца в фургон. Ли надежно спрятана, Старец невидим, чего ему бояться?

Иль степенно миновал двери и уверенным шагом направился к дивану, верно оценив, что прочая разномастная мебель для людей не годится. Получив приглашение сесть, Иль медленно опустился на бархатные подушки. Диван, хоть и не отличался особой сообразительностью, с незнакомцем шутить не рискнул. Даже не скрипнул ни разу, что вообще из ряда вон!

Поведение посетителя все меньше напоминало повадки служащих, так что Джарвин осмелел:

– Так что у вас ко мне за дело?

– Мой клиент хотел бы сделать вам заказ.

– Зелья, заклинания?

– Отнюдь. Речь идет о заказе иного толка. Моему клиенту требуются услуги стиллера Ли, ветерана операции «Энергия».

– Простите, Иль, ничем не могу вам помочь. Не имею чести быть знакомым с этим стиллером.

– Что еще раз доказывает мою правоту. Ну же, Джарвин,

не смотрите на меня так. Вы же врете, верно? А научить вас врать мог только стиллер. Погодите, не надо ничего говорить! Поверьте, я проделал путь через всю Широкую страну не для того, чтобы получить отказ. Я знаю, кто вы, и знаю, что только ваш стиллер может помочь моему клиенту.

– И кто он, ваш клиент? – спросил Джарвин, не сдержав пылкое юношеское любопытство.

– Это не относится к делу. Достаточно знать, что он весьма влиятельный человек, который хочет получить редкий товар и готов уплатить за него высокую цену. Уверен, вам будет интересно. Вы же со стиллером стремитесь заработать кругленькую сумму и покинуть Длинный континент, не так ли? Один заказ моего клиента обеспечит вам долгую и безбедную жизнь.

Джарвин обессиленно опустился на диван. Все нутро похолодело. Откуда незнакомец знает про их планы? Неужели Ли кому-то рассказывала? Между тем, Иль оценил произведенный эффект и продолжил свою речь:

– Приношу глубочайшие извинения, если раздосадовал вас своей осведомленностью. Как я уже упоминал, я работаю на весьма влиятельного человека. И моя работа требует знать столько, сколько для нее необходимо. Также я знаю, что вашему стиллеру угрожает опасность со стороны отдела взыскания. И мой заказ, поверьте, придется вам как нельзя кстати.

– Каким образом?

– Если вы согласитесь взяться за него, я помогу вам переправиться в Круглый город.

Впервые за свою недолгую жизнь Джарвин потерял дар речи. Круглый город был даже не пределом стремлений любого жителя Изнанки, он находился далеко за этой чертой. Там жили самые влиятельные и богатые люди мира. Более того, город жил по своему закону, и тот давал полную неприкосновенность своим жителям. Отправься они туда, Корпорация никогда бы не достала Ли. И его, Джарвина, тоже. Безбедная жизнь, полная защита от всех ведомств, корпораций, ассоциаций и всех прочих – аций, которые отравляют жизнь! Вот уж воистину: там, где нет воображения, бюрократия разрастается, как плесень.

В тот миг беспризорник из Серого квартала был как никогда близок к пониманию, какого это – мечтать. Жаль, изнаночники мечтать не умели. А вот трезвый расчет подсказывал, что цена за такую услугу будет ой как высока.

– Это и есть то вознаграждение, о котором вы говорили?

– Что вы, Джарвин! Это лишь дополнительная услуга, которая поможет вас убедить.

– За что же вы предлагаете взяться, если используете для убеждения пропуск в Круглый город?

– Мне доподлинно известно, что стиллер Ли может украсть мечту.

– То, что вам нужна мечта, и без того ясно. Стали бы вы ехать через всю страну, понадобись вам сон или идея –

их может добыть любой мало-мальски опытный стиллер. Но мне нужна конкретика. Какого сорта мечта вам требуется?

– Вы верно рассуждаете, мой юный друг. Я озвучу мечту, только прошу вас: не отказывайте сразу.

– Говорите уже!

– Мой клиент хочет заполучить весьма редкую мечту, даже драгоценную, если позволите. Ему нужна мечта о спасении мира.

– Вы шутите?

– Я похож на человека, который частенько шутит?

Джарвин придирчиво рассмотрел суровое лицо Иля.

– Ничуть. Но вы же понимаете, что лицевики давно о таком не мечтают? Позвольте, чего ради мечтать о спасении мира, который не от чего спасти?

– Боюсь, вы заблуждаетесь, Джарвин. Любой мир есть от чего спасти. От малодушия, от политики, от упадка, от средств массовой информации, от болезней... да хоть бы и от поп-музыки, в конце концов. Моему клиенту не интересна причина, важен лишь результат.

– Но к чему ему это?

– Полагаю, неэтично рассуждать об этом с заказчиком, вы не находите?

– Прошу прощения, вы правы. И все же, как бы ни было заманчиво ваше предложение, я вынужден отказать. Вероятность неудачи слишком велика. Если и остались люди, которые мечтают спасти Лицо, то на их поиски могут уйти годы.

– Не спешите отказываться. Вы еще не видели награду.

– Думаете, она заставит меня передумать? Сомневаюсь,

Иль.

– Взгляните, а потом судите, Джарвин.

Иль поднялся на ноги – в этот миг диван облегченно вздохнул – и ловкими пассами рук составил в воздухе изображение. Юный маг сперва поразился искусному владению магией визуализации и только после обратил внимание на само изображение. На нем красовался массивный золотой предмет: скрижаль, испещренная неизвестными символами. По центру виднелось с десятков углублений, составляющих круг.

Пока Джарвин любовался скрижалю и мысленно прикидывал ее вес, он получил болезненный тычок в плечо. Раздался шепот Старца: «Соглашайся немедленно». Узнать бы еще, почему, да вот как это сделать при Иле? Придется решать самому.

– Это чистое золото?

– Так точно. Наичистейшее.

– И ваш клиент готов отдать его за мечту?

– Все верно. Он может позволить себе такие капризы. А вы бы сами что выбрали: великую мечту или старую скрижаль, которая без дела пылится в вашем хранилище? Можете не отвечать, это был так называемый риторический вопрос. Давайте к делу, Джарвин. Что вы решили?

– Поймите меня правильно, Иль, я все еще сомневаюсь.

– Могу ли я вас попросить не принимать окончательное решение? Дайте мне пару минут.

– Не думаю, что пара минут решит дело, но дерзайте.

Иль быстрым шагом вышел за дверь фургона, на ходу доставая медальон для переговоров. Будет жаловаться клиенту – решил Джарвин. Он уже было хотел воспользоваться паузой и быстро переговорить со Старцем, но дверь вновь распахнулась и впустила в комнату Иля. Он с порога заявил:

– Мой клиент готов предложить вам еще одну услугу. Он предоставит в ваше свободное распоряжение дом в Круглом городе. Если вы выполните заказ, дом войдет в вознаграждение.

Перспективы становились все более блестящими. Джарвин и без того уже решил соглашаться на сделку, а теперь – и подавно. На миг его одолело сомнение: не стоит ли разбудить Ли и спросить ее совета? Это все же не рядовой заказ, который он с легкостью принял бы и без ее одобрения. Маг решил было разбудить подругу, но в последний момент передумал. В конце концов, она по собственной прихоти так долго пропадает на Лице и совсем не интересуется происходящим в родном мире. А он, Джарвин, защищает ее и принимает все решения. Вот и это примет сам, без всяких там советов и подсказок.

– По рукам, Иль. Вы поможете нам выбраться из Треугольного города?

– Выезжаем на рассвете.

Глава 2. Вероника

Вероника страшно опаздывала. Магазин открывать через полчаса, а она все еще мечется по квартире в ночной рубашке. Пробегая мимо кухни, включила кофемашину и отправилась в гардеробную. Наспех натянула блузку, втиснулась в узкую юбку с высокой талией, оглядела себя в зеркало и немедленно чертыхнулась. Времени на пробки нет, так что машину не возьмешь, а как ехать на велосипеде в таком виде? На смену юбке мгновенно пришли узкие голубые джинсы, а вот любимую блузку пыльного розового цвета Вероника снимать не стала, справедливо полагая, что та ей весьма к лицу.

Кофемашина издала ликующую трель. Вероника поспешила на кухню, подхватила кружку с подставки, вышла на балкон и распахнула окно. Свежий утренний воздух жадно ворвался в квартиру пением птиц и ароматом молодых листьев. Девушка довольно прищурилась и потянулась, как сытая кошка. Торопиться расхотелось. Как можно в такое утро бежать на работу, не замечая ничего вокруг, и пропускать все самое интересное? Вон бабулька кормит голубей, вот малыш испуганно семенит по пешеходному переходу, вцепившись в руку матери, а вон симпатичный сосед любовно отмывает свою машину после вчерашнего дождя. Блики

солнца играют на подсыхающих лужах, школьники хохочут на спортивной площадке, студенты бегут на электричку, на ходу перечитывая конспекты. А Вероника опаздывает. Так нечестно!

С печальным вздохом она допила эспрессо, ловким движением затянула длинные золотистые волосы в высокий хвост и поспешила прочь из своей квартиры, которую сегодня так не хотела покидать.

Московские пробки никогда не раздражали Веронику, но только потому, что у нее был удивительный талант в них не попадать. Вот и сейчас она мирно ехала по обочине Фестивальной улицы под завистливые взгляды водителей, стоящих в глухой пробке. Пару раз ей даже свистели вслед и предлагали что-то не слишком приличное. А она знай себе катила прочь блестящий белый велочоппер, сделанный для нее на заказ, и не обращала ни малейшего внимания на обидчиков.

К открытию она на удивление поспела. Велосипед занял свое место на парковке торгового центра, а Вероника побежала на второй этаж, перешагивая по две ступеньки. Стоило ей открыть магазин и немного отдышаться, как в книжный потянулись первые покупатели. Девушка порхала между ними и вежливо подсказывала то одному, то другому, как найти нужную книгу или кого из новых авторов выбрать. Вот и сейчас она стояла рядом с робким юношей и терпеливо толковывала ему, что сначала стоит прочесть «Аннигиляцию» и лишь после – «Консолидацию». Когда ее терпение

уже плескалось на доньшке, в магазин вдруг вошла девушка, и сердце Вероники пропустило удар.

Он мгновенно забыла про бестолкового парня, про аннигиляцию с консолидацией, и про все на свете. Осталась только она – темноволосая, высокая и не слишком складная девочка с робким и каким-то даже испуганным взглядом. В ней не было ничего особенно примечательного на обычный человеческий взгляд. Но для Вероники она была той самой, долгожданной и необыкновенной. Эта девушка мечтала стать писателем. Ее мечта была яркой, горячей и пламенной, она подчиняла себе каждую мысль и каждый вздох. И она была чистой, как горное озеро: ни намек на жажду славы и обогащения, лишь безграничное желание поделиться своими мечтами и грезами с такими же одинокими и напуганными, дать им лучик веры и вдохновить на подвиги.

– Я возьму обе! – звонкий голос вывел Веронику из задумчивости.

– Что, простите?

– Говорю, беру обе. И «Аннигиляцию», и «Консолидацию».

– Конечно, прекрасный выбор! Пройдемте на кассу.

Пока Вероника рассчитывала покупателя, она неотрывно наблюдала за темноволосой девушкой. Та заметила, что они покинули отдел фантастики, и только после этого сама направилась туда. Она аккуратно брала книги, читала аннотации, раскрывала их в самых разных местах и вчитывалась в

текст. Глаза ее сияли, а на лице отражались то восторг, то тревога.

Чем дольше Вероника следила за ней, тем яснее понимала, что не может украсть такую мечту, рука не поднимется отнять ее у этой девочки. Но стоит ли слушать голос сочувствия, когда на карту поставлена ее свобода? Ирвик обещал закрыть последнюю выплату для Корпорации Воображения, если получит мечту о писательстве. А эта мечта была так хороша, что за нее и доплата будет не лишней. Последняя выплата, подумать только! Двадцать пять лет назад отец продал ее Корпорации за тридцать серебряных, а после отставки выкуп назначили в шестьдесят тысяч золотых. За эти деньги можно было купить не то что дом, а целый замок в пригороде Треугольного города! И теперь осталась последняя тысяча. Тысяча, на которую можно пахать еще год, или закрыть ее всего одной мечтой.

Мальчишка давно расплатился и ушел, а Вероника все стояла в задумчивости и разглядывала предмет своего сомнения. Надо подойти и забрать мечту. Эта девчонка найдет себе другое увлечение, все равно у нее шансов – один на миллион. А она, Вероника, получит свободу. Свободу, черт побери! И больше никогда ей не придется просыпаться в страхе, зная, что в любой момент ее снова могут призвать на службу в Корпорацию. И все начнется по кругу: внедрение, тяжелая работа, хищение чертежей, решений, идей. Розыск, смена городов. А она не хотела уезжать из Москвы! Ничего,

девочка справится и без мечты. Как говорят лицевики, свято место пусто не бывает. На смену этой придет другая мечта. Может, она будет лучше. Или реальнее, кто знает?

Ноги несли Веронику к посетительнице. Магазин пустовал, если не считать ее помощницы, Юли, да и та сейчас в подсобке, разбирает новую партию книг. Все складывалось как нельзя лучше. Но, как бы она себя ни убеждала, подойти к мечтательнице не смогла. Замерла у соседнего стеллажа и принялась переставлять книги с места на место. «Ну что ты встала? – мысленно ругала себя Вероника, – Иди, делай свою работу. Нечего их жалеть, у них и так все есть. Мечтой больше – мечтой меньше, никто и не заметит. Давай же!»

Еще один нерешительный шаг. И еще. И вновь остановка. Веронику разве что не разрывало на части. Она всем нутром чувствовала, что не может тронуть эту мечту. Чувствовала, но никак не могла с этим согласиться. Ей нужна свобода. Нужна! А кто ей эта девчонка? Никто, и жалеть ее нечего. И все же...

Неизвестно, к чему привела бы ее внутренняя борьба, если бы в магазин не вошел новый покупатель. Невысокий холеный юноша в модной одежде и с прилизанными волосами. Ленивой походкой он направился к «острову», на котором были выложены бестселлеры, и принялся изучать сначала обложки, а потом – информацию на первых и последних страницах. Веронику пронзила догадка: он смотрит, какие издательства выпустили самые популярные книги! Прислу-

шалась к своим ощущениям... Бинго! Вот это удача!

Все тревоги и страхи скрылись на задворках сознания. Спокойная целеустремленность овладела Вероникой – руки больше не тряслись, с лица сошла неуверенность. Мягкой поступью девушка направилась к моднику. Тот как раз крутил в руках очередной бестселлер. Капелька магии – и книга выскользывает из рук. Вероника быстрым движением поднырнула к основанию «острова» и подхватила книгу у самого пола. Спустя долю секунды за книгу схватился и юноша. Пока он ошалело разглядывал девушку, она ловко передвинула одну руку и коснулась мечтателя. Без физического контакта, увы, нельзя.

Мечта легко перетекла к новой обладательнице, а та спешно закрыла свое сознание, чтобы не почувствовать ее. Парень уставился на Веронику во все глаза. Она знала этот взгляд, растерянный и блуждающий. Когда человек теряет мечту, он на короткий промежуток времени лишается ориентации в пространстве. Наконец, несостоявшийся великий писатель подал голос:

– Спасибо, что подхватили книгу. И простите, что уронил.

Вероника лучезарно улыбнулась:

– Ничего страшного. Вы собирались ее купить?

– Собирался? – вероятно, это должно было быть утверждением, но прозвучало как вопрос.

– Вас проводить на кассу?

Юноша закивал и покорно отправился вслед за Верони-

кой. От его былой спеси не осталось и следа. Неудивительно – еще пару минут назад он мнил себя гениальным писателем и собирался совершить революцию в современной литературе. А теперь он – обычный студент юрфака, который на досуге строчит посредственные рассказы.

Как только Вероника распрощалась с покупателем, к кассе подошла та самая девушка, которая чудом избежала потери своей мечты. Она положила на стойку три книги и достала кошелек из сумочки. Вероника ободряюще ей улыбнулась, пробила товар и спросила:

– У вас есть дисконтная карточка нашего магазина? – увидев, что девушка замотала головой, тут же предложила, – Хотите оформить?

– Да, спасибо.

Когда мечтательница ушла, Вероника взяла ее анкету покупательницы, внимательно просмотрела данные и принялась запоминать, слабо понимая, зачем это делает. Отчего то ей казалось, что теперь она несет личную ответственность за мечту этой девочки, раз уж оставила ее хозяйке. Иррационально, но Вероника никак не могла избавиться от этого ощущения, и продолжала размышлять о чистой мечте до тех пор, пока ее не вернула в реальность помощница:

– Вероника Андреевна, вас к телефону. Олег Николаевич.

Ну что он там еще выдумал? В магазине идеальный порядок, чего названивать?

Вероника нехотя поплелась в кабинет и взяла трубку.

– Привет, Олег! Что стряслось?

– Ли! Черт побери, срочно приезжай ко мне!

– Олег! Сколько раз просила: не называй меня так на лицевой. Ве-ро-ни-ка! Не так уж сложно запомнить, правда?

– Сейчас не до того. Срочно дуй ко мне. Лену к тебе выслал, Юлю оставишь за главную. Не обсуждается.

И бросил трубку. Вот наглец!

Вероника злилась, но в глубине души зашевелилась тревога. Олег никогда не отличался слабонервностью, с чего бы это он так взвился? Благо, до его дома на велосипеде минут десять, не больше, скоро все разъяснится.

Юля любила оставаться за главную, так что встретила известие с нескрываемой радостью. А Вероника выскочила на улицу, отстегнула велосипед и помчалась к Олегу через парк. Ее мрачные ожидания подтвердились, когда друг открыл дверь. Его и без того бледная кожа стала белее фаты невесты, а тонкие руки беспорядочно перебирали четки, с которыми он никогда не расставался. Олег боязливо вглядывался в пустоту подъезда за спиной Вероники, выглядывая из-за полуоткрытой двери.

– Входи скорее.

Девушка юркнула в квартиру, и дверь мигом захлопнулась за ее спиной. Раздалось щелканье замков. Олег пошел вглубь квартиры, следом плыл алкогольный дурман.

– Ты что, пил?

– Ага. И тебе советую. Виски будешь?

– Лучше скажи, что стряслось. Что-то с магазином?

– Какой к черту магазин? Что мы будем делать?

– Делать с чем?

Олег застыл в нерешительности среди просторной гостиной.

– Ты что, ничего не знаешь?

– Чего не знаю?

– Они забирают морфеевы проводники!

Вероника ни черта не понимала.

– Кто?

– Господи, Ли, да включи ты уже голову! Корпорация Воображение, конечно, кому еще?

– Олег, ты бредишь! Быть такого не может. С чего ты вообще это взял?

– Помнишь Василису?

– Конечно, помню. Я всех московских пустых на пересчет знаю.

– А знаешь, чья это была пустая?

– Нет. И чья же?

– Валерики. Девочки с моего призыва.

– Стой, а почему «была»? Теперь это не ее пустая?

– Теперь пустая валяется без сознания, а сама Валерика исчезла. Сосед сказал, что к ней пришел служащий из отдела взыскания. Пришел – и все, нет человека. Куда делась, никто не знает. Я только утром вернулся с Изнанки и подключил Василису к системе поддержания жизни. Ее морфеев про-

водник распался на части, оболочка в одну сторону, камень – в другую. Ума не приложу, работает ли он теперь. Камень я оставил, да только сможет ли она вернуться, не знаю. Если нет, то ее пустая долго не протянет, сама знаешь.

– И что теперь делать? Прятаться от отдела взыскания?

– А у тебя есть другие идеи? Я уже нанял помощника, чтобы мое тело вывезли из Треугольного города. Не собираюсь я отдавать им своего пустого! И так уже слишком много отдал. Мы не можем просто так сдаться. Иначе они нас перебьют, как бешеных собак!

– Олег, послушай. Я не хочу тебя обидеть, но тебе не кажется, что ты слишком драматизируешь? В Корпорации сидят ублюдки, да. Но не убийцы.

– Не убийцы? А как же пустые?

– Ну да, пустые умирают, когда стиллер погибает или отходит от дел. Но их же для того и рожают. Уж не считаешь ли ты пустых людьми? Или то, что у них есть свое имя, делает их в твоих глазах личностями? Их производят на свет такие же пустые. Оболочка от оболочки, не более.

Олег нервно запустил руки в волосы и принялся неистово расхаживать по комнате.

– Для этого и рожают? Ли, ты головой что ли тронулась?

– Что ты хочешь сказать? Я ни черта уже не понимаю!

– Ли, девочка моя, ты действительно не знаешь?

– Не знаю чего? Говори яснее, все это уже действует мне на нервы.

Вместо ответа Вероника дождалась лишь невнятного бормотания:

– Подумать только, она не знает! Даже этого не знает! Что я тут делаю? На что трачу время?

Казалось, еще немного, и от этого человека уже не добьешься ни одного связного слова. Олег поддался чувствам. Мало того, что это было грубейшей ошибкой стиллера в теле пустого, так еще и ситуация – хуже не придумаешь. Среди талантов Вероники никогда не значилось умение произносить утешительные речи, так что она сделала то, в чем знала толк – вкатила ему оглушительную пощечину. И сработало ведь! Олег рассеянно потер щеку и заговорил уже спокойно:

– Да, пустых рожают пустые. Но уж точно не для этого. Ни в одном мире нельзя родить младенца без души. Каждый пустой был человеком. Чаще всего – ребенком. Сама вспомни, сколько было Веронике, когда ты первый раз в нее вселилась?

– Года четыре, не больше. Ну да, правильно, мне было восемь, ей – в два раза меньше. Я еще тогда страшно возмущалась.

– И ты ни разу не задумалась, почему ее речевой аппарат уже разработан? Почему мышцы сформированы? Как, потвоему, пустая дожила до четырех лет? Она была ребенком, Ли! Обычным ребенком, которого убили стиллеры в телах пустых. Их выращивают, как скот на убой, понимаешь?

Мир поплыл перед глазами. В позвоночник будто встави-

ли железный прут. Воздуха не хватало, не хватало мыслей, не хватало слов.

– Нет! Нет, Олег, этого не может быть!

– И ты туда же! Ли, послушай...

Закончить фразу он не успел – свалился на пол бесформенной кучей, как падают обыкновенно тонкие матрасы, соскальзывая с верхней полки в поезде. С неестественно громким щелчком медальон с его шеи упал на пол и раскололся на части. Камень, выпавший из украшения, укатился под диван.

Веронику трясло. И эту отвратительную, мерзкую дрожь в руках и коленках никак не удавалось унять. Так она и стояла, мелко подрагивая, и смотрела на тело своего друга и соратника. Скользящий страх прокатился по телу: а что если и она сейчас вот так же упадет без чувств и больше никогда не вернется в это маленькое тело? Тело, которое принадлежало другому человеку. Нет, это не должно быть правдой! Она не могла все это время вот так вот запросто разгуливать в теле умершего ребенка. Нет, нет и еще раз нет!

Дрожащими руками Вероника вытащила камень морфеева проводника из-под кровати. Покрутила в руках розово-зеленый турмалин, напоминавший дольку арбуза, и заботливо убрала его в нагрудный кармашек рубашки Олега. Вдруг он все же очнется? Вдруг что-то случилось с его настоящим телом, и его вышибло из пустого? А она потом найдет друга на Изнанке и узнает, что случилось. А сейчас пора взять себя

в руки. Эмоции и бесплотные страхи – лишь отголоски ее пустой. Сама Ли таким не страдала. Воспоминание о настоящей сущности всегда отрезвляюще действовало на стиллера. Она заставила себя не думать о том, что узнала, до той поры, пока не окажется на Изнанке. Уж там-то она разберется!

Олег оказался страшно тяжелым вопреки своему хрупкому телосложению. На то, чтобы дотащить его до кровати, ушло не меньше часа. Ли в который раз возмутилась, что ей досталась такая маленькая пустая – в этих полутора метрах сил было, как в котенке. И все изнурительные тренировки давали лишь небольшую прибавку к скромным способностям. Настоящее тело Ли было на голову, а то и на полторы, выше и не в пример сильнее. Как же его сейчас не хватало!

Вероника спешила, и поэтому не стала сама подключать Олега, ограничилась сообщением для Мариночки, медсестры, которая уже много лет присматривала за стиллерами. Женщина не раз доказала свою непоколебимую надежность, и немудрено – за такую зарплату стоило держать язык за зубами. А еще девушка позвонила Юле, предупредила, что Олег Николаевич в отъезде, а сама Вероника появится через пару дней. И, раз дела в магазине улажены, пора мчаться домой и отправляться на Изнанку.

Несмотря на спешку, на улице девушка против воли залюбовалась. Все пространство пронизывал тот особенный свет, какой бывает только на закате после грозы. Заходящее солнце проглядывало на горизонте, и в воздухе будто висе-

ла легкая золотая дымка. И эта дымка невероятным образом преображала цвета: зелень вдруг становилась сочнее, небо в просветах – лазурнее, а лица прохожих окрашивались в теплые тона и делались не такими болезненными и уставшими. Если что и было прекрасно в маленькой и слабой Веронике, так это ее глаза. Пустая видела куда больше оттенков, чем сама Ли. Ее взгляд будто сам собой попадал в плен всему прекрасному, что встречалось на пути девушки.

На обратной дороге Вероника гнала велосипед на грани его возможностей. Тяжелый велочоппер не предназначался для такой быстрой езды, а создавался для того, чтобы вальяжно и красиво рассекать по городу. Но сейчас было не до шика. Быстрее!

В очередной поворот велосипед ворвался на предельной скорости. И на той же скорости вошел в борт массивного черного автомобиля. Вероника упала на землю. Дверца машины распахнулась, из-за нее появился высокий мужчина средних лет и крепкого телосложения. Он подбежал к лежащей на земле девушке и машинально обхватил пальцами ее запястье.

– Пульс есть, – отметил он, – А сознания нет. И что мне с тобой делать, шумахер?

Он легко подхватил девушку на руки, предварительно осмотрев на предмет повреждений, и отнес ее в машину. Потом взял велосипед, закрепил его на рейлинги автомобиля и сел за руль.

Глава 3. Ама

Ама кралась по коридору. Будь неладен этот режим дня! Ужином кормят в семь, а вот аппетит просыпается ближе к полуночи. Ну не морить же себя голодом, верно? Если ты стиллер, хоть и начинающий, котлеты из кампуса воровать ничуть не сложнее, чем чертежи на Лицевой. И теперь, наевшись досыта, нужно лишь незаметно проскользнуть обратно в жилой комплекс Корпорации Воображения. А незаметности Аме было не занимать. Она обладала редким даром не привлекать к себе внимание: средний рост, невыразительная внешность, скучные русые волосы и бледные голубые глаза. Ни тебе курносого носика, ни высокого излета бровей, ни лебединой шеи – ничего такого, на что стоило обратить внимание. Разве что ямочки на щеках, да лучезарная улыбка, но и тех никто не видел – Ама редко улыбалась. Любая другая девочка, пожалуй, убивалась бы от собственной невезучести, но только не Ама. Уж она то знала, как ценна такая невзрачность в ее деле. А что может быть лучше, чем шпионить и красться?

Толстый ковер, пестрый, как рождественская ярмарка, мягко поглощал звуки шагов, отчего Ама чувствовала полную уверенность в своей невидимости. К сожалению, ковер не смог скрыть ее целиком, когда из-за поворота появились

два магистра стиллерских наук. Оставалось лишь юркнуть в подвернувшуюся нишу и укрыться за пыльным гобеленом. Едва сдерживаясь от чихания, девушка настороженно прислушалась. Шагов по ковру не услышишь, но звуки голосов и даже шуршание длинных магистерских одеяний разобрать удалось. Ама прикинула, какова вероятность ее обнаружения и успокоилась – шансы, что ее найдут, ничтожно малы. Но послушать разговор магистров будет не лишним, вдруг скажут что-то важное об их призыве. Голоса звучали все ближе, и девушка уже могла разобрать слова.

– Где вы ее нашли?

– В Зеленом квартале. Вовремя успели, она уже собиралась съезжать.

– Кто-то ее предупредил?

– Вероятно. Валерика недавно обосновалась в новом доме, она не стала бы покидать его так скоро.

– Но это лишь догадки, я правильно понимаю?

– Так точно, старший магистр.

– Терн, не надо званий. Я же говорил, можешь обращаться ко мне по имени. Мы же теперь равны по чину.

– Прошу прощения, ста... кхм, Ирвик.

Голоса теперь раздавались совсем близко. Ама уже раздосадовалась, что скоро магистры уйдут, и ей не удастся послушать, о чем они говорят, но звук разговора не затихал. Девушка прислушалась и решила, что магистры остановились как раз в нише. На всякий случай она сделала маленький

шажок назад, насколько позволяло пространство, и прижалась спиной к каменной кладке стены, чтобы не пошевелить гобелен и не выдать своего присутствия. Мужчины без тени подозрений продолжали беседу.

– Не страшно. А что с ее пустой? Вы проверили?

– Еще нет. Но по нашим донесениям на Изнанку возвращался Нильсон, искал свою сослуживицу. В отчете сказано, что он пребывал в крайнем смятении и был обеспокоен отключением ее пустой, Василисы.

– Вы проверили эту информацию?

– Никак нет, не успели, отдел розыска нашел Нильсона раньше.

– Исправьте это, Терн! Донесения и домыслы – недостаточные основания для анализа. В этой операции не должно быть ни единой осечки. Вы ведь осознаете всю важность происходящего?

– Так точно! Приложим все усилия.

– Не сомневаюсь. Вы подготовили список стиллеров из нынешних призывов?

– Уже заканчиваем. Проверку прошли все стиллеры при исполнении, сейчас обрабатываем данные.

– Сколько уже отобрали?

– Пока только троих.

– Хорошо, не будет лишнего шума.

– Простите мое любопытство, Ирвик, но как же бывшие стиллеры? Разве с ними шума не будет?

– Это вряд ли. Обработку стиллеров в отставке Президент решил приурочить к общему приказу об изъятии морфеевых проводников. Да и кого заботят отставники? Можете о них не беспокоиться. Заканчивайте работу, жду результатов до конца недели. Ах да, что там со скрижалью? Все еще в надежном месте?

– Именно. До поры до времени.

– Вы уверены, что хранитель отдаст ее в нужный момент?

– Более чем. Нет причин сомневаться.

Чем дольше Ама слушала, тем меньше понимала. Магистр сказал, что все стиллеры при исполнении прошли проверку. Какую, интересно знать? Девушка не припоминала ни одной за последнее время. И вообще, проверку на что? Какая операция? Какой шум? И что там с бывшими стиллерами? А что за скрижаль?

Любопытство никогда не значилось в числе пороков изна-ночников, но Ама с раннего детства была любопытной. Если рядом происходило что-то интересное, она просто не могла устоять. А в том, что разговор магистров шел о чрезвычайно интересном деле, девушка не сомневалась. Увы, теперь они перешли на куда менее волнующие темы и беседовали о научных трудах и отчетах стиллеров. Скукота!

Ама зевнула и едва сдержалась, чтобы нечаянно не выдать своего присутствия. Как назло, магистры не спешили уходить и вели неспешную беседу. И чего бы им не пойти к себе в кабинет, да не поболтать за кружечкой эля? Но нет, они

упрямо стояли в нише, где пряталась Ама. Она уже приготовилась покрыться паутиной и умереть здесь от старости, как неожиданно нащупала рукой нечто удивительное. На каменной стене за ее спиной была замочная скважина! Вне всяких сомнений, она самая – Ама прекрасно различала замки на ощупь, недаром так легко пробиралась на кухню общежития.

Как можно тише девушка развернулась и присела. Достала отмычки из потайного кармана жилетки, и взялась за работу. Когда дверь наконец поддалась и приветливо распахнулась, Ама успела вся взмокнуть. Еще ни разу ей не приходилось вскрывать замок столь бесшумно. И она справилась, чем немедленно возгордилась.

За дверью обнаружилась узкая винтовая лестница. Новая волна любопытства захлестнула девушку, и та успела позабыть о странном разговоре магистров – вот она, ветренность пятнадцатилетних. Ама скользнула в крохотный проем и осторожно прикрыла за собой тяжелую дверь, отметив, что та даже не скрипнула. Лестница оказалась длинной, как язык сплетницы, и к концу пути у девушки уже кружилась голова.

Уняв головокружение, Ама огляделась. Она попала в просторный коридор, освещаемый лишь слабым голубоватым светом несгораемых свечей. По обе стороны виднелись одинаковые серые двери, что примечательно, без единой ручки. Девушка осторожно двинулась по коридору – только взглянуть, и сразу обратно. Когда она дошла до середины, одна

из дверей распахнулась. Увы, на этот раз удача ей не улыбнулась: ни гобелена, ни какой-нибудь ниши в стене не было. Ама размышляла над этим не больше секунды, и бросилась наутек к лестнице.

– Амарэя! – настиг ее резкий окрик.

Девушка застыла на месте и неловко развернулась, вдруг растеряв всю свою грацию, скорость и даже любопытство. Как по волшебству она превратилась в неловкого и робкого ребенка. Впрочем, никакого волшебства тут и в помине не было – строгий голос матери из любого смельчака сделает недотепу.

– Мама? Что ты здесь делаешь? – спросила девушка, но тут же пожалела о содеянном.

Наверняка, сейчас мать задаст ей тот же вопрос, а оправдания на такой случай у нее не заготовлены. Юная стиллер только начинала вести свои «списки лжи», и большим разнообразием те пока не отличались, ведь она не так уж много времени провела на Лицевой. Но матери удалось ее удивить.

– Ама, девочка моя! – быстрым шагом та подошла к ней и заключила в объятия, – Как хорошо, что ты здесь! Я уже собиралась посылать за тобой.

Такое ласковое обращение сбило девушку с толку. Не похоже на ее маму, старшего магистра высокой магии. Она всегда была строгой и сдержанной женщиной. Волосы уложены в идеальный пучок, на мантии ни единой лишней складочки, всегда чистая, опрятная и подтянутая, ее мать дорожила

собственной репутацией и держала всех в строгости, включая и саму себя. Ее губы всегда держались поджатыми, спина – выпрямленной, а глубокие голубые глаза смотрели на всех с потенциальным осуждением. Но сейчас от нее не осталось и следа: руки мелко тряслись, глаза лихорадочно блестели, из идеальной прически выбилась непослушная прядь.

– Мам, ты меня пугаешь! Что стряслось?

Мать быстро оглянулась по сторонам и потянула дочь за руку в сторону двери, из которой недавно вышла.

– Не здесь, Ама, идем в мой кабинет.

– В кабинет? Туда же нельзя!

– Сегодня – можно. Идем скорее, не упрямясь.

Как только за ними захлопнулась дверь, перемены в матери стали еще более очевидными: на глаза накатывали слезы, губы подрагивали, плечи ссутулились. Среди лаконичной обстановки кабинета и стерильной чистоты лаборатории женщина выглядела еще более непохожей на себя, чем в коридоре. Ама обняла ее:

– Мам, ну ты чего? Все будет хорошо, слышишь?

Мать отстранилась и взглянула на дочь по-новому.

– Да, так и будет. Я им не позволю. Не позволю!

– Не позволишь чего?

Та проигнорировала вопрос:

– Девочка моя, ты должна бежать. Прямо сейчас, времени на сборы нет. И как можно скорее! Я покажу тебе выход и напишу записку твоему брату. Беги к нему и старайся избе-

гать освещенных улиц. Ты все поняла?

– Нет, мам, я ничего не поняла! Что, черт побери, тут происходит? Почему я должна бежать? И от чего?

– Нет времени объяснять. Все, что я могу сказать – ты в списке. Считай, что приговорена. Но этого не будет! Я тебя спасу, чего бы мне это ни стоило. Идем же! Идем! Вот, держи, – с этими словами мама достала из ящика и протянула ей массивную сумку на длинном ремне.

– Что это? – спросила девушка.

– Экстренный набор. Тут плащ, сменное белье, деньги и другие мелочи. Сама разберешься. Не забудь на улице закутаться в плащ.

– Мам, ты что, хранишь в лаборатории сумку на случай побега? Это вообще нормально?

– Девочка моя, ты еще многого не знаешь о Корпорации. Не спрашивай, всему свое время.

Ама не стала спорить. Как и любой изнаночник, она умела рассчитывать вероятности. И вероятность того, что ее мать в таком состоянии сможет что-то объяснить, стремилась к нулю. Женщина быстрым шагом подошла к своему столу, схватила перо и застрочила послание. Потом свернула лист конвертиком, поставила печать, капнув при этом горячим воском себе на пальцы, и сунула бумагу Аме. Та спрятала конверт во внутренний карман и молча пошла за матерью, которая уже тянула ее за руку.

Они прошли через лабораторию, вошли в подсобку, за-

полненную зельями, травами, корешками, порошками и странными амулетами. На каждой мелочи красовался ярлык, подписанный каллиграфическим почерком матери. Она уверенно прошла через все длинное помещение, подошла к дальнему стеллажу, ощупала его боковую стенку и что-то нажала. Раздался звонкий щелчок, и шкаф отъехал в сторону. За ним обнаружился проход. Мать поманила Аму:

– Давай, девочка, иди. Там один ход, никаких разветвлений. По нему ты выйдешь на Главную площадь. С нее сразу свернешь в Тенистый переулок. Оттуда дворами доберешься до Северной заставы. Найди брата и передай ему письмо, дальше он все сделает сам. Ты поняла?

– Да, мам. Но, может, ты все же расскажешь, что происходит?

– Нет времени. Но обещаю, я все тебе объясню, если мы еще раз встретимся.

– Если? Мам, ты снова меня пугаешь!

– Ничего не бойся, девочка моя. Уходи скорее!

С этими словами она обняла дочь, поцеловала ее на прощание, сунула ей в руки фонарь с несгораемой свечой и с силой толкнула в проем. Раздался новый щелчок, и стеллаж встал на место. Ама осталась одна, растерянная и напуганная. Ею овладевала паника. Признаться, девушка совсем не умела бороться со страхом. Изнаночники вообще редко его испытывают, да и то лишь тогда, когда вероятность угрозы превышает семьдесят пять процентов. Но как высчитать ве-

роятность, если не знаешь, откуда исходит угроза?

Ноги стали мерзнуть. Такой холод не ожидаешь встретить летней ночью, вероятно, посудила Ама, ход начинался глубоко под землей. Тягостные размышления ни к чему не привели, отчего пришлось выбрать единственный возможный путь – наверх, к Главной площади.

Мать оказалась права. Тоннель ни разу не разветвлялся на всем пути. Впрочем, к концу он стал так сужаться, что лучше бы он разветвлялся. Вот уже с полчаса Ама шла, согнувшись в три погибели, хотя и не могла похвастаться высоким ростом. А выход из тоннеля оказался таким узким, что девушке пришлось протискиваться боком. Так вот чего все магистры такие худые – подумала она, – Толстяку пришлось бы поворачивать обратно.

Ама вынырнула на улицу как раз между двумя домами на краю площади. Ничего себе, все это время она даже не замечала, что между ними есть расстояние, не говоря уже о подземном ходе! Площадь стояла укутанная в ночную тишину. По близости никого не было видно, но девушка решила не рисковать. Достала из сумки плащ, укуталась в него поглубже и кошачьей поступью отправилась по краю площади, стараясь не выходить из тени и держаться на границе света – там, где контраст такой разительный, что темнота кажется особенно черной.

Давно она не бродила по ночному городу. Ребенком она часто сбегала из дома после комендантского часа и иссле-

довала темные извилистые улочки, но после поступления в Академию стиллеров ее ночные прогулки сошли на нет. А ведь Ама их так любила! Но сейчас память услужливо подсказывала, где тени длиннее, а улицы – безлюднее. И теперь она бесшумно скользила между домами, огибая кольцо вокруг Главной площади. Здесь сходились сектора цветных кварталов. Ама вышла на границе с Фиолетовым кварталом, и теперь стремилась к Зеленому, на другом конце которого ее ждет Северная застава.

Путь к Зеленому кварталу занял больше часа. Ама взглянула на часы и ускорила шаг – надо успеть на заставу до рассвета, пока на улицу не высыпали торговцы и прочие ранние пташки. Чтобы сэкономить время, пришлось использовать самый быстрый путь, а он пролегал по широкому Большезеленому проспекту, который стрелой пронзал весь квартал и упирался прямиком в заставу. К счастью, фонари опять горели через один, а то и через два, так что недостатка в темных участках не было. Несколько раз на пути встречались такие же блуждающие горожане в темных плащах, но раз за разом они свято чтили «ночное правило»: вышел на улицу ночью – делай вид, что никого не видишь, и тебе ответят взаимностью.

До заставы Ама добралась как раз вовремя: небо на востоке уже начало светлеть. Девушка давненько здесь не бывала, но все осталось неизменным. Над ней нависала все та же серая и безвкусная громадина заставы, что и раньше –

целых пять этажей! На всем первом в окнах горел свет. Ама на цыпочках подкралась поближе и по очереди начала заглядывать в окна, пока не нашла, что искала – своего брата. На удачу, он был один в маленькой комнате. Девушка постучала по стеклу. Брат повернулся, увидел Аму, подбежал к окну, распахнул створки и помог сестре забраться внутрь.

– Ама, ты чего в такое время?

– Меня мама к тебе отправила. Держи, – девушка протянула записку от матери.

Брат сломал печать, быстро пробежал глазами по тексту. Его лицо приобрело столь решительное и сосредоточенное выражение, что Ама не удержалась от вопроса:

– Седвик, ну чего там?

– Не твоего ума дело. Сиди тут, я скоро вернусь, – и уже на выходе из комнаты спросил, – Ты голодная?

Ама усердно закивала. После долгой дороги есть хотелось нестерпимо. Брат вернулся минут через пять и поманил девушку за собой:

– Пойдем на пост, сейчас моя смена. Там тебя и покормлю.

Ама поплелась за братом по длинному коридору, вошла вслед за ним в неприметную дверь и с удивлением обнаружила, что они очутились в маленьком доме: едва ли у комнаты мог быть потолок «домиком». Седвик ответил на ее немое изумление:

– Пост стоит на выезде из города, и его решили вынести в

отдельное помещение, чтобы лучше следить за выезжающими. Смотри сама, – с этими словами брат отдернул массивную штору, которая закрывала почти всю стену.

Оказалось, там и не стена вовсе, а огромное стекло с широкой перегородкой посередине. Спустя мгновение Ама поняла, что это даже не перегородка, а большие Северные ворота. Из сторожки вели две двери: одна – в город, другая – за его пределы. Таким образом, постовой мог видеть и подъезжающих, и выезжающих.

– К полудню здесь будет давка. И придет второй постовой. Так что мы должны вывезти тебя из города до этого времени. А сейчас садись за стол и ешь, давай.

– Как же это, вывезти? – возмутилась Ама, но все равно принялась за еду.

– Так мама написала. Можешь даже не спрашивать, я и сам толком ничего не понял из ее записки. Мое дело – посадить тебя к какому-нибудь страннику или купцу, который сможет увезти тебя подальше. А твое, – строго посмотрел он на сестру, – Слушаться меня. Усекла?

Кивок Амы он счел за согласие. Пока девушка заканчивала с едой, к воротам со стороны города подкатил огромный синий фургон, запряженный четверткой лошадей. И что это были за лошади! Огромные, чуть ли не вдвое больше обычных, ретивые и с жуткими зелеными светящимися глазами. Слабый рассветный свет розовыми бликами ложился на их черные лоснящиеся бока.

– А вот это уже интересно! – воскликнул Седвик и отправился наружу.

Ама наблюдала, как он вышел из сторожки, как распахнулась перед ним боковая дверь фургона и как возникла под его ногами первая ступенька прозрачной лестницы. Магия! Девушка всей душой тяготела к этому древнему искусству, но, увы, стиллеров ему почти не обучали. По крайней мере, в широком смысле. Стиллеры познавали тайны человеческой души, учились извлекать, а после и удерживать сны, идеи и даже мечты в своем сознании. Но Аме всегда хотелось большего. Быть может, однажды она научится? И теперь вероятность этого велика, как никогда. Если ей пришлось бежать из Академии стиллеров, стало быть, придется искать новую профессию.

Пока девушка размышляла о своих перспективах, дверь фургона вновь распахнулась и выпустила наружу Седвика. Он застыл на пороге, пожал руку высокому юноше с медными волосами и бегом отправился обратно в сторожку. Распахнул дверь и крикнул:

– Ама, хватай сумку, ты уезжаешь!

Девушка немедленно повиновалась. Волшебный фургон был куда интереснее, чем скучный пост на заставе. Брат помог ей взойти по короткой прозрачной лестнице, проводил внутрь фургона и представил ее тому юноше, с которым недавно обменивался рукопожатием.

– Ама, знакомься, это Джарвин. Джарвин, это моя сестра,

Ама, про нее я тебе и говорил. Наш уговор в силе?

– В силе, – уверенно ответил он и повернулся к девушке, – Приятно познакомиться, Ама, проходи и располагайся поудобнее, у нас впереди долгий путь.

Брат порывисто обнял Аму на прощание и прошептал ей на ухо:

– Береги себя, мелкая. Надеюсь, еще свидимся! Напиши мне, как доберешься до места, только матери ничего не отправляй, поняла?

– Поняла. А куда я хоть отправляюсь?

– В Круглый город, – ответил за него Джарвин, – И нам уже пора трогаться.

Глава 4. Ли

Бывали у Ли пробуждения и более приятные. Да что уж там, большая их часть была куда лучше, чем это. Потеря сознания всегда приводит к тому, что стиллера выкидывает в его настоящее тело, но Вероника не имела привычки сваливаться в обморок от чего ни попадя. Последнее, что помнила Ли – столкновение с автомобилем. Дело плохо. Ее пустая осталась там, сбита машиной, и неизвестно, в каком состоянии.

Ли уже приготовилась ворожить перемещение, как вдруг осознала, что и на Изнанке произошло что-то из ряда вон. Начать бы и с того, что фургон раскачивался из стороны в сторону и подпрыгивал на ухабах. Они куда-то едут? Но и это было не самым пугающим. Система жизнеобеспечения исчезла. Впрочем, как и сама Ли. Вернее, ее тело. Нет, она его, конечно, чувствовала, но не видела, вот что действительно беспокоило.

Подняться оказалось нелегко – голова еще кружилась после резкого переноса из пустой. Еле справившись с тяжелой занавеской, Ли очутилась в основном помещении фургона и немало удивилась той компании, которую там застала. На диване сидел Старец, а по обе стороны от него устроились незнакомцы: суровый мужчина в черном и совсем молодень-

кая девица, по виду еще подросток. Джарвина нигде не видно, как и Плута. Ли догадалась, что друг, вероятнее всего, правит фургоном из кабины и направилась туда, раскачиваясь из стороны в сторону, как тополь на ветру. Из осторожности она старалась обойти диван по как можно более широкой дуге, но ее намерение не осуществилось: фургон качнуло особенно сильно, Ли потеряла и без того шаткое равновесие и приземлилась ровнехонько на диван. Раздался звонкий девичий крик, от которого у стиллера едва не заложило уши. Она мгновенно подскочила на ноги, но незнакомая девица все так же продолжала вопить.

– На меня что-то упало! Упало что-то невидимое! – теперь в крике появились и членораздельные слова.

Фургон резко затормозил. Ли вновь сбило с ног, и она опять приземлилась на девушку, вызвав у той новый приступ крика.

– Будь добра, перестань вопить! Это я на тебя упала.

Девчушка замерла под своей ношей и заговорила только после того, как та с нее поднялась.

– А ты – это кто?

– Это Ли, – отозвался Старец, – Если мне не изменяет мой слух.

– Не изменяет. Привет, Старец! Никто не хочет мне рассказать, какого дьявола я невидима?

Джарвин неловко взъерошил волосы и спросил:

– А тебе чего больше хочется: услышать рассказ или сна-

чала стать видимой?

Сказано это было с такой язвительностью, что Джарвин тут же отхватил знатный подзатыльник прямо из воздуха.

– Ладно, ладно, понял! Сейчас сделаю тебя видимой, нечего на людей бросаться!

Юный маг направился к своему заваленному столу и принялся разыскивать нужную колбу. Фургон вновь тронулся и теперь стремительно набирал скорость. Старец осторожно подал голос:

– Джар, не хочу показаться грубым, но кто, черт побери, правит лошадьми?

В ответ Джарвин только отмахнулся:

– Сами идут. Слышал что-нибудь о навигации и автопилоте?

– Что-что?

– Вот и я о том же. Не забивай себе голову, Старец. Просто представь, что мои лошади точно знают, куда скачут, и делают это без всяких понуканий.

– Вы уже запатентовали технологию? – деловито поинтересовался Иль.

– Еще нет, это первое испытание. Как и лошадиного ускорителя, который вы уже имели честь видеть.

– Боюсь, вам стоит поработать над внешним видом лошадей. После вашего ускорителя они годятся разве что для всадников апокалипсиса, если таковые где-нибудь все же имеются.

– Иль, вы пессимист.

– Джентльмены, не хочу прерывать ваш обмен любезностями, но мне страшно надоело быть пустым местом. Джар, ищи уже нужную колбу и молчи.

– Злая ты, Ли! А, вот и колба! Иди сюда, невидимка, будем возвращать тебе твой чудесный облик.

Иль и Ама обратились во внимание – им давно не терпелось увидеть знаменитого стиллера. Когда в воздухе стал проявляться ее силуэт, оба затаили дыхание. Наконец перед ними появилась высокая черноволосая девушка, подтянутая, белокожая, с выступающими скулами, острым подбородком и тяжелым взглядом серых глаз. Ее движения были скупы и отточены. Быстрым взмахом руки метнулись к голове и ощупали две тяжелые черные косы, которые тут же принялись расплетать.

– Джар! Сколько раз просила: не плети мне косы, пока я сплю.

– Ты так мечешься, что волосы превращаются в сплошной колтун. Нет у меня времени каждый день тебя расчесывать.

– А я теперь похожа на борзую! – возмутилась Ли, увидев свои распущенные волосы.

– На очень красивую борзую! – парировал Джарвин.

Ли беззаботно рассмеялась, вдруг осознав, как она соскучилась по другу. Для тех, кто видел ее впервые, перемена в настроении показалась разительной. Ама, признаться, не ожидала, что стиллер-легенда может выглядеть, как девчон-

ка-хохотушка, за что тут же себя мысленно отругала. Удивительно, как высокий уровень профессионализма влияет на восприятие. Отчего-то профессионалы в глазах обывателей вдруг перестают быть обычными людьми, как будто для достижения высот нужно обладать нечеловеческими качествами. Бесспорно, это помогает оправдываться лентяям.

Впрочем, веселье на лице Ли быстро уступило место озабоченности и деловой решимости.

– Джар, а теперь быстренько введи меня в курс дела. Куда мы едем и кто наши спутники?

Молодой маг в общих чертах обрисовал ситуацию и представил попутчиков. Ли выслушала его, не перебивая, а по окончании рассказа устало опустила плечи и уселась прямо на пол.

– Джар, милый, – обратилась она к юноше покровительственным тоном, – Ты же понимаешь, что мы не можем выполнить заказ Иля? Где я, по-вашему, возьму такую мечту? Мне ни разу не встречалось ничего подобного.

Иль поспешил сам вступить в разговор:

– Лианелла, будьте добры, не отказывайте столь поспешно. Мой заказчик убежден, что подобные мечты существуют, и у него есть тому подтверждения.

– И какие же, позвольте узнать? – Ли намеренно пародировала речь Иля.

– Боюсь, вы узнаете о них только от моего клиента.

– Ловко вы придумали, господин! И что же получается?

Мне надо тащиться в Круглый город только ради того, чтобы получить липовое подтверждение вашим бредням? Увольте! Джар, поворачивай назад, мы возвращаемся.

Все мигом подскочили на ноги и хором стали убеждать Лианеллу, что ни в коем случае нельзя возвращаться назад. Из общего гвалта она не могла разобрать ни слова, да и не хотела. Больше всего Ли беспокоило то, что где-то в Москве валяется ее Вероника. Маленькая, хрупкая Вероника, сбита машиной.

И тут заговорил Старец. Его тихий голос неожиданно перекрыл общий шум, таким строгим и не терпящим выражений он был. Все говорящие разом умолкли, а у Ли даже проскользнула неожиданная мысль: «Что я вообще знаю об этом человеке?». А сказал Старец следующее:

– Ли, остуди свой пыл и внимательно меня послушай. Назад нам путь заказан. Тебя разыскивает отдел розыска, чтобы изъять морфеев проводник, – заметив, что Ли собирается что-то сказать, Старец заговорил быстрее, – Постой, не перебивай. Я и сам не знаю, чего ради они начали розыскание. Но дело совсем плохо. Они проводят розыскание даже среди действующих стиллеров. Посмотри на Аму. Нам удалось незамеченными выскользнуть из города только потому, что часовой на заставе попросил нас увести ее как можно дальше. И теперь у нас на борту два стиллера, которых разыскивает Корпорация. Ты понимаешь, почему мы не можем повернуть обратно?

Все молчали. Ли пыталась осознать сказанное. Ама, если верить ее шокированному виду, тоже. Старшая стиллер куда быстрее взяла себя в руки.

– Полагаю, времени на любезности у нас нет, а потому давайте к делу. Насколько я могу доверять нашим попутчикам?

– Для меня, – отозвался Иль, – Превыше всего интересы моего клиента. Поэтому до тех пор, пока он заинтересован в ваших услугах, я целиком и полностью на вашей стороне. А как только вы исполните заказ, будете отвечать за себя сами. Как вы уже поняли, это произойдет на территории Круглого города, а в его стенах не принято совать нос в чужие дела. Так что можете доверять мне ровно настолько, насколько считаете допустимым.

Ли обдумала его слова и осталась удовлетворена ответом – она ценила честность, пусть даже и граничащую с излишней прямолинейностью. Иль, кем бы он ни был, отнюдь не намерен лебезить перед ней.

– А что насчет девчонки? Кто за нее отвечает?

– Полагаю, мы и отвечаем, – сказал Старец, – Семья девочки осталась в Треугольном городе.

– Что, еще один ребенок на мою голову? – Ли посмотрела на Джарвина и поспешно добавила, – Не обижайся, Джар, ты же понимаешь, о чем я.

Ама залилась гневным румянцем и, преодолевая робость перед стиллером-легендой, отрывисто рявкнула:

– Нечего со мной нянчиться. Высадите у ближайшего го-

рода. Дальше я сама.

Ли беспардонно потрепала ее по голове.

– Ладно тебе, не кипятись. Никто тебя не высадит, мы своих не бросаем.

– А я – своя? – осторожно поинтересовалась Ама.

– Ты же стиллер? – вопросом на вопрос ответила Ли.

– Ну, коли вы разобрались, обсудим-ка план действий, – подытожил Старец.

– Нет, Старец, подожди. Сначала мне надо вам рассказать новость с Лицевой, а потом сцедить мечты.

Все притихли в ожидании того, о чем расскажет Ли, уж больно встревоженно звучал ее голос.

– С пустым моего друга случилась какая-то беда. Он позвал меня сегодня к нему, говорил, что Корпорация изымает морфеевы проводники и боялся, что нас всех перебьют. И не успел он договорить, как упал без чувств. А его проводник распался на части. Мне нужно найти Нильсона и узнать, что происходит. А еще неплохо бы отыскать Валерику, его сослуживицу, у нее тоже пустая отключилась, он мне сам...

– Нильсон и Валерика? – встревоженно перебила Ама, – Я слышала эти имена как раз вчера!

– Где ты могла их слышать?

К удивлению Ли, девочка залилась краской и потупила взгляд.

– Я, – неловко начала Ама, – Была ночью в коридорах жилого корпуса Академии и случайно подслушала разговор

двух магистров.

– Не буду спрашивать, что ты делала ночью в коридоре, не ты первая тайком пробираешься в кампус. Но постарайся хорошенько припомнить, что именно ты вчера слышала? Не торопись, подумай пока. Джар, а ты помоги мне сцедить мечты, сил уже нет от них отгораживаться.

Джарвин быстро кивнул и снял со своего стола сложный прибор, который помогал сцеживать сразу несколько мечтаний – по колбе на каждое. Привычными движениями он закрепил на голове Ли тонкий обруч, через который осуществлялась передача. Началось. Все остальные заинтересованно следили за процессом, не каждый день такое увидишь!

Когда последняя мечта в облике серебристого тумана перекочевала в свою колбу, Джарвин деловито спросил:

– Это все, Ли? Ничего не забыли?

– Нет, – отрывисто ответила она. Пожалуй, даже слишком отрывисто, за что сама себе отвесила мысленный подзатыльник. И потом еще долго присматривалась к Джарвину – не догадался ли? Но нет, кажется, мальчишка слишком переживал из-за сложившейся ситуации, чтобы заметить маленькую ложь.

Чтобы успокоиться, Ли занялась систематизацией товара. Она по очереди осторожно брала колбы, прислушивалась к их содержанию, а потом изящным почерком надписывала бирки и крепко, хоть и весьма аккуратно, привязывала их к основанию туго загнанных пробок. Ама заморожено следила

за работой, а потом не выдержала и спросила:

– Это что, настоящие мечты?

В ответ Ли только кивнула.

– А можно посмотреть хоть одну? Никогда их не видела.

Ли передала девочке колбу и строго наказала:

– Только смотри не разбей!

– Не разобьет, – ухмыльнулся Джарвин, – На все колбы наложено заклятие неразбиваемости.

– Снова штудировал мои записи, да? – спросила Ли, не ожидая ответа и тут же продолжила, – Здесь есть товар для Ирвика. Ты же понимаешь, о чем я?

– Последняя выплата? Но имеет ли теперь это значение, когда за тобой охотится отдел взыскания?

– Джар, – строго оборвала его Ли, – Конечно, имеет. Мы должны ее отправить. Я не хочу оставаться в рабстве у Корпорации.

– Ли права, – вступился за нее Старец, – Если она выплатит долг, то у нее будет преимущество по закону.

– Ладно, я подумаю, как это организовать. А пока что давайте вернемся к главному вопросу. Ама, ты вспомнила, что слышала от магистров? – обратился Джарвин к беглянке.

– А я и не забывала. Я вам передам, что слышала, только вот не смогу объяснить – сама не понимаю. В общем, магистры говорили о том, что какая-то Валерика собиралась сбежать, но ее вовремя перехватили. После этого, по слухам, на Изнанку вернулся некто Нильсон, вроде как из-за отключе-

ния пустой Валерики. И Нильсона этого потом тоже нашли, отдел взыскания, если не ошибаюсь. Да вроде и все про этих двоих.

– А еще про кого было? Называли другие имена? – голос Ли звучал бесстрастно, разве что с сухим любопытством.

– Нет, имен не было. Но они говорили, что все стиллеры при исполнении прошли какую-то проверку. И по итогам составили список. Не знаю, какой. Но мама потом тоже что-то говорила про список, вроде как я в нем есть. Может, в том самом списке и есть, про который магистры говорили?

– Ладно, Ама, не паникуй, – поспешила утешить ее Ли, – Спасибо, что рассказала нам. Вместе мы разберемся. Хорошо?

В ответ девочка только кивнула, а Ли отметила про себя, что та неплохо держится, и ей даже почти удается скрыть свое волнение, хотя пальцы то и дело тянутся то к пряди волос, то к краю рукава, прихватывают их, но тут же бросают. С телом всегда так – пока не научишься его полностью контролировать, оно будет предательски выдавать твои настоящие чувства.

– Джар, – позвала Ли друга, – Ты можешь наворожить иллюзию карты?

Рука Джарвина мигом нырнула в карман и выкинула в воздух горсть причудливого серебристого порошка. Губы волшебника с нечеловеческой скоростью бормотали заковыристое заклинание – нужно было успеть до того, как поро-

шок упадет на землю. Когда в воздухе появилась мудреная карта ближайшей местности, Ли на свой лад похвалила друга:

– Недурно, Джар, только бы заклинание покороче, ты же его еле выговариваешь. Не ровен час, язык себе свернешь.

– Ты лучше скажи, зачем тебе карта?

– Затем, чтобы составить безопасный маршрут до Круглого города. Идеи есть? И это я сейчас ко всем обращаюсь. Старец, где мы рискуем нарваться на посты Корпорации?

– Боюсь, что везде. Что на Быстром тракте, что на Окольном обязательно будут патрули.

– А расположение постов и маршруты патрулирования мы можем узнать?

– Есть один способ. Но тебе не понравится.

– И какой? – нахмурилась Ли. Обещание Старца не внушало доверия.

– Только не говори потом, что я не предупреждал. Можно вызвать духа.

– Старец, пожалуйста, скажи, что я ослышалась!

– Ли, сейчас не до предрассудков. Это единственный вариант. Более точного способа мы не найдем.

– Я сказала «нет», значит, нет!

– Ли, послушайте, – раздался вкрадчивый голос Иля, – Боюсь, ваш старший товарищ прав. И вы не можете брать на себя такую ответственность, отказываясь от его предложения.

– А вам то какое дело? Вы в любой момент можете сойти и отправляться своей дорогой. Найдете другого исполнителя, не я одна ворую мечты.

– Но вы – лучшая, – спокойно возразил Иль, – Так что я едва ли не больше всех заинтересован в том, чтобы доставить вас к своему клиенту в целости и сохранности. И если вас схватят сотрудники отдела взыскания, это доставит мне массу хлопот, знаете ли. Так что я убедительно прошу согласиться на вызов призрака. Хоть бы и ради ваших друзей, которых тоже привлекут к ответственности, если вас поймают.

– Но это ведь варварство, Иль! Призыв духа не просто нарушает покой души, он порабощает ее! Вы бы хотели, чтобы вас после смерти призывали кому-нибудь в услужение?

– У меня не было в планах торчать после смерти между мирами. Вы ведь знаете, что далеко не всех духов можно вызывать? Видно, многим удается отправиться дальше, чего и я...

– Ох, перестаньте, Иль! Поговорим о ваших посмертных планах в другой раз. Ладно, так и быть, давайте вызывать. Но! Призыв проведу я сама. Так я смогу гарантировать духу уважительное отношение. Джар, подготовь все для вызова.

В фургоне воцарилась тишина. Даже те, кто совсем не знал Ли, интуитивно понимали, что лучше с ней не связываться, когда она чем-то недовольна. Сама Ли сохраняла угрюмое молчание и внимательно следила, как Джар расстилает на полу полотно духовной связи и расставляет свечи по

кругу. Рядом со свечами он выложил травы, сбрызнул воздух вокруг маслами и зельями, прошептал заклинание и, наконец, изрек:

– Готово, садись.

Ли опустилась в центр круга с закрытыми глазами, вздохнула, мысленно – и предельно вежливо – вызвала ближайшего духа. Тот мигом отозвался, и, открыв глаза, Ли увидела перед собой дух молодого мужчины. Он уставился на нее в ответ. Через несколько секунд в звенящей тишине фургона раздался изумленный возглас Ли:

– Ты?!

Глава 5. Вальд

– Вальд! Вальд, открой!

Шепот, едва слышный сквозь увесистую деревянную дверь, вывел Вальда из состояния поверхностной дремы, в котором тот пребывал, оставив последние надежды на глубокий сон. Оказалось, бессонница пришлась как нельзя кстати – едва ли он различил бы тихий голос Осмальта сквозь толщу полноценного сна.

Вальд перекатом вскочил с жесткой койки и приоткрыл дверь своей скромной комнаты. Сквозь получившуюся щель полился приглушенный свет лампы.

– Впусти меня, – все так же тихо попросил Осмальт.

На мгновение Вальдом завладело желание захлопнуть дверь и сделать вид, что все это ему приснилось. Поначалу он даже не смог объяснить свой порыв, но позже понял – ночное появление друга не сулило ничего хорошего. Но долг превыше всего, не так ли? По крайней мере, Вальд считал именно так, и поэтому впустил Осмальта в комнату. Друг проскользнул в проем и замер, теребя рукава своего одеяния, которое снова выдали не по размеру. В огромной фиолетовой мантии он смотрелся тоще прежнего, а глубокие тени, пролегающие под глазами, добавляли болезненности его образу. Вальд не на шутку всполошился.

– Ос, ты чего, друг?

Осмальт глубоко и прерывисто вздохнул и сказал, заикаясь:

– Президент желает тебя видеть.

– Прямо сейчас?

– Да, сейчас. Вижу, ты не рад, но что я могу поделаться?

Мое дело – доложить.

– А почему ты докладываешь? Ты же у нас теперь важная птица, глава отдела разработок, как-никак!

Осмальт замялся всего на мгновение, но это не ускользнуло от цепкого взгляда Вальда.

– Президент знает, что мы с тобой, как бы это сказать, дружны.

– И что Президенту с нашей дружбы?

– Вероятно, не хочет привлекать к делу посторонних.

– К какому еще делу, Ос?

Осмальт строго посмотрел на друга.

– Одевайся. Президент не любит ждать, ты же знаешь.

Вальд ответил кратким кивком, быстро оделся и вышел из комнаты вслед за Осмальтом.

– Вальд, ты ведь знаешь, что есть и другие цвета одежды?

– Знаю. Но предпочитаю черный.

– Ты его с детства носишь. Тебе не кажется, что это странно?

– Не кажется.

Осмальт перестал спорить, только помотал головой –

сколько лет они дружат, а Вальд так и не рассказал, почему носит только черный. Ос уважал право друга на личные тайны, но до сих пор немного обижался – тут ведь и жизнь человеку доверять не жалко, а он даже про одежду не рассказывает.

Вальд заметил, что друг опять на него дуется, но утешить его не мог. Да и куда больше его тревожило, что за срочность? Зачем Президенту выдергивать его из кровати среди ночи? Все это крепко не нравилось Вальду. Не нравилось хоть бы и то, что Президент вообще его вызывает. Вальд видел его дважды, но ни одна из встреч не была личной. Так с чего теперь, да еще и под покровом ночи?

Теряясь в догадках, Вальд брел по запутанным коридорам вслед за Осмальтом. Не то чтобы он нуждался в проводнике – каждый поворот и все до единой двери он и сам мог найти даже в кромешной темноте и со связанными руками – но предпочитал соблюдать субординацию. Нужная дверь уже появилась в поле зрения и с неотвратимостью снежной лавины приближалась к ним.

Осмальт столь почтительно остановился перед дверью, будто та могла его видеть, и деловито отстучал по гладкой дубовой поверхности замысловатую дробь. Дверь тяжело, но поразительно тихо отворилась.

– Входи, – подтолкнул друга в дверь Осмальт.

Вальд вопросительно поднял брови.

– Нет, я не пойду. Ну же, не заставляй Президента ждать.

Пришлось идти одному. За дверью царил полумрак, и Вальд осторожным шагом двинулся вперед. Стоило ему переступить порог, как за спиной он почувствовал резкое дуновение воздуха. Оборачиваться не стал – и так ясно, что это тихо затворилась дверь. Вальд остановился в нерешительности и огляделся. В затемненном коридоре перед входом в кабинет не было ничего необычного, но что-то здесь вызывало смутную тревогу. Мозг лихорадочно обрабатывал сигналы тела, в попытке выявить раздражитель. Не прошло и пяти ударов сердца, как Вальд нашел причину своего беспокойства – в помещении не было запахов. Никаких.

– Входите, Вальд, не стойте в дверях, как памятник нерешительности.

Он нехотя повиновался. В три шага преодолев коридор, четвертым Вальд вошел в кабинет и поклонился:

– Приветствую Вас, господин президент Корпорации Воображение!

– Прошу вас, оставьте церемонии. Садитесь. И можете называть меня только по имени – Президент.

Вальду всегда было любопытно, какого это – отказаться от своего имени и заменить его должностью, но спросить было не у кого. Свои имена меняли только «большие шишки», у которых должность определяла личность, а к ним с такими вопросами обращаться не принято. Ему и сейчас хотелось спросить, но Вальд подавил этот порыв и послушно опустился в кресло, стоящее напротив изящного, но крепкого стола

Президента.

– Что, вы даже не спросите, почему я вызвал вас посреди ночи?

– Вы вправе вызывать меня в любое время суток, и не мое дело задавать вам вопросы.

Вальд внимательно следил за реакцией Президента на свои слова. Но его лицо оставалось бесстрастным: все тот же прямой взгляд темных глаз, и та же тонкая, бездушная полуулыбка.

– Что же, раз так, вопросы буду задавать я. Скажите, Вальд, вы же лучший стиллер при исполнении в нашей Корпорации?

– Не мне судить, господин Президент. Я лишь делаю свою работу настолько хорошо, насколько могу.

– А можете вы лучше всех, не так ли?

Вальд еще пристальнее взгляделся в Президента. Тот выглядел слишком молодо для своих восьмидесяти лет, одет был слишком просто, и задавал слишком странные вопросы. И никак не удавалось найти ответ на последний. К счастью, он и не понадобился. Президент понял, что подчиненный не намерен отвечать и продолжил:

– Ваша скромность хоть и похвальна, но, боюсь, неуместна. Мне доподлинно известно, что у вас на сегодняшний день лучшие показатели из всех действующих стиллеров.

Слово «действующих» Президент выделил особо, что больно резануло по слуху – Вальд знал, о ком тот говорил.

Только один стиллер имел более высокие показатели. И этот стиллер сейчас в отставке.

– Вижу, вы уже поняли, о ком пойдет речь, не так ли?

Что это? Неужели в стальном голосе Президента промелькнула насмешка? Чем дальше, тем больше Вальду не нравилось происходящее.

– Догадки – не мой конек, Президент. Не сочтите за дерзость, но не могли бы мы перейти к сути дела?

– Конечно-конечно, время же позднее. Понимаете ли, Вальд, у меня к вам дело весьма... деликатного характера. Надеюсь, я могу рассчитывать на полную конфиденциальность?

– Могли бы и не спрашивать.

– Ну конечно. Какая преданность своему делу! Так вот, Вальд, мне нужно, чтобы вы выполнили одно мое поручение. Быстро, тихо и профессионально. Вы способны на это?

– Приложу все усилия. Что именно от меня требуется?

– Я в вас не сомневался. Требуется разыскать на Лицевой стороне одного стиллера.

– Прошу прощения, но разве не проще найти стиллера здесь, на Изнанке?

– Проще, конечно, когда речь заходит о рядовых стиллерах. Но в данном случае я не могу рисковать и полагаться только на местные поиски. Я хочу, чтобы вы нашли стиллера на Лицевой, узнали, где его тело на Изнанке, и отключили от пустого.

– И кого мне нужно разыскать? – Вальд спрашивал это скорее для приличия. Он уже знал ответ. Хоть и надеялся уголком сознания, что ошибается. Но он не ошибся.

– Стиллера первой категории в отставке. Ее зовут Лианелла. Это имя вам знакомо, не так ли?

– Так, Президент. И, боюсь, я не смогу взяться за это задание.

– Это почему же?

– Лианелла знает моего пустого в лицо. Я не смогу даже близко подойти к ней.

– А вашему пустому и не придется подходить к ней.

– И как же я в таком случае выполню работу?

– Вы используете чужих пустых. У нас есть несколько... незанятых.

По телу Вальда прокатилась колючая волна ужаса. Чужие пустые были безусловным табу, неприкосновенным и запретным плодом. Даже сама мысль о том, чтобы перенестись в чужого пустого, вызывала отвращение и мерзкую, липкую дурноту.

– Что с вами, Вальд? Вам нехорошо?

«Конечно, не хорошо! Да мне хреново!» – мысленно кричал стиллер, но вслух как можно тише ответил:

– Я правильно вас понял? Мне нужно использовать чужих пустых?

– Да, все верно.

– Но это же невозможно!

– Было. Было невозможно до недавнего времени. Теперь же ваш дорогой друг, Осмальт, нашел способ не только проникнуть в чужого пустого, но и удержаться там в относительной безопасности.

– Господин Президент, это... это слишком. Даже для меня. Я не могу взять это дело.

Преисполненный решимости, Вальд поднялся и направился к выходу из кабинета. Будь что будет, пусть хоть на улицу выгоняют, ему все равно! Найдет другое дело, выплатит долг Корпорации, отправится путешествовать... Не успел он додумать эту светлую мысль, как его ошарашил голос Президента:

– Если вы сейчас выйдете в эту дверь, то потеряете единственный шанс вернуть своего брата.

Вальд остановился как вкопанный. А потом медленно – ему самому показалось, что прошла целая вечность – развернулся лицом к Президенту.

– Что вы имеете в виду?

– Я знаю, как вернуть вашего брата из... из того места, где находится сейчас его дух. Он снова будет на Изнанке, в своем теле.

Вальд почувствовал, как по венам разливается холодная ярость.

– Так почему же Корпорация до сих пор не вернула его к жизни, если вы знаете, как это сделать? Он же ваш стиллер.

– Да, только вот весьма посредственный. И стоимость его

возвращения в несколько раз превышает его собственную. Даже с учетом всех вложений в него. Непозволительная расточительность!

Если раньше Президент вызывал у Вальда лишь уважение с тонким привкусом страха, то теперь стиллера охватила ненависть. Как он мог? Как он смел говорить о брате, как о какой-то вещи? Да еще и не слишком нужной? Вальду стоило огромных усилий, чтобы ни взглядом, ни жестом не выдать своего состояния. Впрочем, судя по тем искрам, что плясали на дне темных глаз Президента, тот как в развернутом свитке читал мысли подчиненного. Глава Корпорации заинтересованно наклонил голову – при этом ни одна седая прядь идеальной прически не сдвинулась с места – и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Не обижайтесь на мою расчетливость, Вальд, но это чистая правда. Однажды вы поймете, что руководящая должность требует умения принимать непростые решения. Но пока что просто примите как данность, что в качестве награды за выполнение задания вы получите своего брата.

– Вам нужна Лианелла, да?

– А вы быстро схватываете, – с тонкой насмешкой ответил Президент, – Да, она мне нужна.

«Значит, ради нее вы готовы потратиться на восстановление моего брата, а ради него самого – нет?» – подумал Вальд, но благоразумно ответил другое:

– Будет вам Лианелла. Я согласен.

– Я в вас не сомневался, Вальд. Идите отдыхать, а утром приходите в лабораторию вашего друга, он начнет подготовительные работы.

Вальд кивнул и угрюмо поплелся в свой отсек. Обратная дорога плыла перед глазами. Мысли путались, сбивались в нерасплетаемый клубок, да так и оставались лежать в дальнем закутке разума.

Сон не принес облегчения. Вальд бы и вовсе не уснул, но стиллеры умеют заставить себя погрузиться в поверхностные сновидения в любом состоянии и в любое время. Не самое полезное умение в повседневной жизни, но в таких ситуациях, как эта, вполне годится.

Пробуждение наступило раньше положенного, так что теперь оставалось только педантично и медленно, как можно больше растягивая время, совершать утренние ритуалы: умывание, застилание постели, уборку комнаты. Каждая минута казалась бесконечной. Мысли теснили друг друга и безуспешно пытались завладеть вниманием, но у стиллера не было никакого желания останавливаться хоть на одной из них. Все, что ему нужно знать, было и без того известно. Ему придется встретиться с Ли. И не просто встретиться, а самому искать этой встречи. Столько лет усилий, чтобы избежать этого, и все напрасно! Перевод из лицевой России, отставка Ли, тщательно выстраиваемые маршруты – все, все в пустую!

Когда пришло время отправляться в лабораторию Осмальта, Вальд испытал едва ли не облегчение – пребыва-

ние один на один со своими мыслями все больше напоминало невыносимую пытку.

Осмальт встретил его на пороге лаборатории. Друг сутулился сильнее обычного, снова теребил рукава своего огромного одеяния и бросал на Вальда робкие, озадаченные взгляды. Жестом он пригласил стиллера сесть, но разговор начинать не спешил.

Вальд не торопил. Список всех странностей Осмальта – весьма обширный, кстати говоря – был хорошо ему известен еще со времен учебы в средних классах Академии. И еще тогда, в далекие детские годы, Вальд был убежден, что Осмальт гениален. И не ошибся. Забитый худой мальчишка, сутулый и светловолосый – полная противоположность самого Вальда – под его опекой и защитой вырос в лучшего разработчика. А это, между прочим, едва ли не самый сложный труд на Изнанке. Стиллер часто бывал в лабораториях и научно-исследовательских институтах на Лицевой стороне, и знал, как хорошо живется лицевым ученым. Их глаза горят, их воображение искрит и рождает гениальные идеи. Они ищут, очарованные и влюбленные в свое дело, и находят. Творчество, чудо рождения идеи, магия ее воплощения. Чудесные, восхитительные чувства, которых лишены разработчики Изнанки. Им приходится вгрызаться, вкапываться в изобретения лицевиков, обрабатывать неподъемные объемы информации и создавать то, что в очередной раз поможет выживать всему населению мира.

– Так ты взялся за это дело, да, Вальд?

Голос Осмальта вырвал стиллера из пучины размышлений.

– Конечно, взялся. Разве у меня был выбор?

– Я боялся, что ты подашь в отставку. Прости, что сразу не сказал тебе о сути задания, Президент запретил мне это делать. Ты не злишься?

– Нет, Ос, все нормально. Ты же знаешь, ради Иена я пойду на все.

– погоди, а при чем тут Иен?

– Разве ты не знаешь?

– Впервые слышу!

Осмальт смотрел прямо, его глаза лучились искренним недоумением. «Нет, он же не умеет врать, он не стиллер» – пронеслось в мыслях Вальда.

– Президент обещал вернуть брата.

– Ох! – только и сумел выговорить Осмальт.

– Как думаешь, он сможет?

– В теории это возможно. Я не силен в медицине, Вальд, и не могу ничего тебе обещать. Но я бы на твоём месте готовился к худшему варианту.

Вальд согласно кивнул – в этом был смысл. Осмальт мог вести себя как испуганный ребенок, но, когда дело доходило до действительно важных вещей, становился собранным и мудрым.

– Ну что, тогда я просто сосредоточусь на задании и по-

стараюсь отодвинуть все личные чувства на задний план.

– Да уж, тебе это не мешает. Особенно зная, кого ты будешь искать. Ты уверен, что готов встретиться с ней лицом к лицу?

– А разве у меня есть выбор?

– Ты повторяешься, друг.

– Так и ситуация не меняется.

– Резонно. Ну что, начнем?

– С чего хоть начинаем, Ос?

– Тебе это может не понравиться. Надень-ка вот это.

Осмальт протянул ему длинную цепочку, на которой висел крупный круглый кулон. Вальд покрутил его в руках, ловя отблески на гранях камня глубокого фиолетового цвета.

– Аметист? Чей он?

– Да, это он. Морфеев проводник принадлежал Валерике.

– Не слышал о такой. Кто ее пустая?

– Василиса. Работает в Москве.

– Ос, ты что, серьезно предлагаешь мне вселиться в пустого женского пола? Мало того, что он чужой?

– Не он, а она. Но в общем ты прав. Мы поместим тебя в Василису. Для начала.

– Для начала? Будут и другие?

– Возможно, будут. А теперь будь добр, перестань капризничать и надень морфеев проводник.

Вальд недовольно натянул цепочку через голову. Кулон с жалобным звоном ударился об его собственный морфеев

ев проводник. Ловкие пальцы Осмальта порхали вокруг цепочек, связывая их тончайшими полупрозрачными нитями. Через несколько минут стараний разработчик удовлетворенно хмыкнул и велел:

– А теперь засыпай и начинай перенос в пустого, как обычно. И не пугайся при пробуждении.

Вальд напоследок бросил на друга острый взгляд и закрыл глаза, приготовившись погружаться в сон. Предательский холодок пробежал вдоль его позвоночника.

Глава 6. Джарвин

Джарвин ничего не понимал. Призыв прошел успешно, никаких сомнений быть не могло. Вот он, дух, сидит напротив Ли. Но все явно пошло кувырком. Несложно догадаться по дикому возгласу и нынешнему мрачному молчанию обоих. Джарвин никак не решался вмешаться, но мысленно уговаривал себя это сделать. Его спас Старец:

– Вы что, знакомы? – строго спросил он.

Голос вывел Ли из оцепенения. Она вздрогнула и, проигнорировав вопрос Старца, обратилась к духу:

– Ты что, мертв?

Дух взвился в воздух, зависнув под люстрой.

– Типун тебе на язык, окаянная! Живее всех живых!

– Правда? – в голосе Ли звенела такая надежда, что Джарвин смекнул: тут не шутят.

Призрак миролюбиво опустился на пол.

– Правда, правда. Жив я, живехонек. Если ты, конечно, можешь назвать это жизнью.

– Тогда, – Ли как будто боялась поднять на него глаза, – Тогда почему ты здесь?

– Ошивался неподалеку. Дай, думаю, помогу старому другу.

Лицо Ли стало белее кубика рафинада. Такой испуганной

и нерешительной Джар никогда ее не видел, пусть и в самые худшие времена – а деньки у них бывали жуткие! Даже голос ее переменялся:

– Неужели ты до сих пор считаешь меня другом?

Призрак рассмеялся чистым, мелодичным смехом, и Джарвин с удивлением отметил, что тот оказался совсем молодым, чуть старше Ли, если не ровесник.

– Ли, только не говори, что ты до сих пор считаешь себя виноватой?

Она в ответ промолчала, только подняла на него взгляд. И столько отчаяния сквозило в нем, что сердце Джара больно сжалось. А Призрак продолжил говорить:

– Ли, мелкая! Неужели ты и правда думаешь, что могла что-то изменить? Столько лет прошло, пора бы и понять уже.

– Не только я виню себя, Иен. Твой брат меня тоже ненавидит.

– Не думай пока что про Вальда, ладно? Давай обо всем по порядку. Зачем вашей разношерстной компании понадобился дух?

При словах о компании Ли вдруг обвела всех присутствующих ошалелым взглядом. «Что это с ней творится? Разве она забыла, что мы тут?» – подумал Джарвин. Юноша устало потер виски – в таком состоянии Ли и до завтрашнего вечера не соберется рассказать, зачем им призрак. А часики то тикают. Пора перехватывать инициативу.

– Позвольте вмешаться, – как можно вежливее обратил-

ся он к призраку, – Пусть Ли немного успокоится, а я вам быстренько обрисую ситуацию. Вы не против?

Иен согласно закивал, и Джарвин принялся пересказывать ему все происшедшее. Когда рассказ подошел к концу, призрак, до этого почтительно молчавший, позволил себе высказаться:

– Да уж, дела! Давненько не откликался на вызовы, совсем отстал от развития событий в мире.

– Извините, – робко подала голос Ама, – А разве призраки не наблюдают за тем, что происходит в мире живых?

Иен так заливисто расхохотался, что невольно воспарил на метр над полом.

– А ты смешная, девочка! Как тебя там, Ама, да? Не говори глупостей. Кто же позволит мертвым людям наблюдать за живыми? Тебе не кажется, что это по меньшей мере странно? А если уж по большей, то отвратительно?

– Простите, я не хотела вас обидеть. Я... я просто об этом никогда не думала с такой точки зрения.

– А ты подумай, было бы тебе приятно, если бы за тобой наблюдал мертвец? – увидев, как девочка перепугалась, Иен смягчился, – Ладно-ладно, выброси из головы. О чем мы там говорили? Я верно уяснил, мне надо с вашего позволения слетать на разведку и посмотреть, где расставлены посты?

В беседу снова включилась Ли:

– Да, все верно. Это не слишком тебя обременит?

– После скуки загробного мира мне любая шумиха за ра-

дось! Только не забудь четко мне направления обозначить. Сама знаешь, иначе я никуда не пройду.

Ли облегченно рассмеялась:

– Ты выглядишь старше, Иен, но все равно остаешься мальчишкой!

– Благодарю за комплимент, дорогуша. И ты могла бы не быть такой занудной. Давай уже, рассказывай, куда мне лететь.

Ли расстелила на полу огромную карту и начала показывать Иену маршруты. Призрак все внимательно рассмотрел, одобрительно хмыкнул и растаял в воздухе с эффектным хлопком. Ли тут же сдулась, как воздушный шарик, откинулась на пол и закрыла глаза. Джара все больше пугало ее состояние. И, видно, не он один об этом думал.

– Джар, а давай-ка сделаем остановку? Погуляем, воздухом подышим, а там уже и наше привидение с моторчиком вернется, – предложил Старец.

– С каким еще моторчиком? – переспросил Джар.

– Да так, не обращай внимания, присказка такая есть.

– Не слышал я такой присказки, – недовольно пробурчал юный маг, заклиная коней остановиться.

Торможение далось зверюгам нелегко. Может, они под действием ускорителя и понятия то такого не ведали. Как бы там ни было, а фургон при остановке кинуло вперед с такой силой, что все люди попадали кто откуда: кто с дивана, кто – с ног. И только Лианелла и без того лежала на полу, так что

всего лишь прокатилась по фургону.

Послышались невнятные ругательства и звонкий голос Ли:

– Смотрю, я тут самую верную позицию заняла? – сказала она куче – в прямом смысле этого слова – своих попутчиков, ловко вскакивая на ноги и помогая подняться другим.

Иль потирал ушибленные части тела и тихо бормотал проклятия. Ли продолжала веселиться:

– А зря вы Джара так поливаете! Скажите спасибо, что в фургоне вся мебель и посуда заговоренная, а то лежали бы сейчас в грудe осколков да под действием какого-нибудь особо заковыристого зелья. Может, крикали бы уже и хвостом размахивали!

Джарвин, бросившийся было делать записи в блокнот по поводу ошибки ускорителя, подозрительно покосился на подругу. Еще пару минут назад она была мрачнее океанских глубин, а сейчас на тебе, веселится как ни в чем не бывало.

И что самое поразительное, ее веселье оказалось столь заразительным, что устоять никому не удалось. Даже Джар вдруг почувствовал всплеск радости и беззаботности, хотя и проверил для уверенности, не пролилось ли какое веселящее зелье. Но нет, виной всему была Ли. Действительно, не стоило и ждать, что она позволит себе оставаться подавленной. Никогда она не признавалась в своих слабостях, никогда не просила помощи, никогда не открывалась даже самым близким. Так с чего бы ей сейчас начать?

Вопреки доводам разума, Джар все же подхватил Лианеллу под локоть и склонился к ее уху:

– Что это за Иен, Ли? Почему ты никогда о нем не рассказывала?

– Не сейчас, Джар, – прошипела она в ответ, – Не хочу об этом говорить. Давай потом?

– Как всегда, да? Ты же ничего не скажешь!

Резким движением Ли освободила локоть, молниеносно нагнулась и поймала рыжего кота, который пытался проскользнуть между ее ног.

– И куда это ты намылился, Плут? Пойдем-ка, дружок, отнесу тебя обратно в фургон.

Кот возмущенно и протяжно закричал, вызвав лишь беззаботный смех Ли.

– Опять убегаешь от разговора! – крикнул ей вслед Джар и отправился к середине поляны, где собрались остальные попутчики.

Иль что-то тихо втолковывал Аме, Старец вышагивал вокруг них и вглядывался в чашу леса. Джар остановился рядом и добрался наконец до блокнота, в который педантично вносил все наблюдения о действии усилителя лошадиных сил. Пока что он превосходил даже самые смелые ожидания Джарвина. Надо бы только торможение доработать. Пока маг делал записи, он то и дело чувствовал на себе заинтересованные взгляды. И чаще всего они принадлежали Аме. Джар самодовольно улыбнулся: не похоже, чтобы девчонка инте-

ресовалась наукой.

Вернулась Ли, и группа принялась разбивать импровизированный лагерь. Огонь решили не разводить, чтобы не привлекать к себе внимание со стороны дороги – недалеко они с нее съехали. Еду разогревали заклинаниями тепла. После трапезы стало ясно, что придется ехать в ближайший город за провиантом – никто из путешественников не рассчитывал отправляться в такую длинную дорогу и едой не запасся.

Былой запал веселья иссяк, но теперь, когда появилась первая цель, путники заметно приободрились. И столь благодушное настроение пришлось бы кстати, реши они завести беззаботную беседу, но с разговорами у них не складывалось. Ли вяло расспрашивала Аму о жизни в Академии стилеров, девочка рассказывала сбивчиво и тихо. Иль на любой вопрос отвечал односложно и неоднозначно – поди пойми, как у него это получалось! Старец о чем-то напряженно размышлял, а сам Джарвин не так уж и любил разговаривать.

Солнце медленно катилось к закату, над лесом вилоь щебетание птиц, возвращавшихся в свои гнезда ко сну. Остывающий воздух наполнился запахом хвои и летнего тепла. Спутники уже не разговаривали, только наслаждались неторопливым мягким вечером. Те, кто не имеют воображения, куда больше ценят настоящее.

Иен все не возвращался, и группа приняла решение устроиться на ночлег. Джар, как и положено настоящему волшебнику, ушел колдовать в фургон и через половину часа

позвал друзей внутрь, оценить результат. Первое, что заметили спутники, так это появившиеся двери. Пять изящных зеленых дверей аккуратно разместились на стенах фургона.

– Что за чертовщина, Джар? – спросила Ли, – Их же нет снаружи, так куда они ведут?

Джарвин победоносно улыбнулся и распахнул одну из дверей. За ней оказалась просторная комната с кроватью, шкафом и, что куда удивительнее, окном. Все ошарашенно молчали, и Джарвин взял инициативу в свои руки:

– Всего пять комнат, по одной для каждого из нас. И да, когда мы снова тронемся в путь, они никуда не денутся. Сейчас, секундочку, наколдую имена на дверях. И советую каждому запомнить, где его дверь и где сама дверная ручка.

– Это еще зачем? – опасливо спросил Старец.

– Мы же в бегах, не так ли? Как только выучите расположение, я сделаю двери невидимыми, чтобы в случае облавы никто не нашел никаких контрабандных стиллеров и служащих Корпорации у меня на борту.

– Невидимые двери в несуществующие комнаты... – проворкотал Иль, – Джарвин, вам уже говорили, что вы гений?

– Конечно, говорили. Но вы не стесняйтесь, не держите в себе, если нет сил обуздать восхищение моей несравненной особой!

Иль заливисто расхохотался и хлопнул Джарвина по плечу. Шокированные взгляды других спутников неоднозначно намекали: никто в этой компании не верил, что Иль умеет

улыбаться хоть бы одним уголком рта, а уж от такого смеха он и подавно должен был рассыпаться горсткой пепла.

А еще Джарвин создал точную копию дивана – благо еще хоть, что не живую – и теперь вся компания могла удобно расположиться в основном помещении фургона, попивая горячие напитки перед отходом ко сну, как школьницы на пижамной вечеринке. Сонливость разливалась в воздухе, скользила на парах от чашек, убаюкивала сидящих и делала молчание не столь тягостным, а даже почти естественным и уютным.

Кружки опустели, и все, не сговариваясь, поднялись со своих мест, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по кроватям. Джарвин притворил за собой дверь, взял с кровати подушку и, не раздеваясь, устроился спать на полу. Спать хотелось ужасно, но сон отчего-то не шел, неясная тревога, как кошка, точила когти об обивку его души. Ну конечно! Озарение пришло столь внезапно, что Джар как по волшебству мгновенно перешел в вертикальное положение.

Он тихо вышел из комнаты, в темноте нащупал соседнюю дверь, постучал по ней костяшками пальцев и тут же толкнул внутрь. Как Джарвин и подозревал, Ли готовилась к переходу на Лицо. При виде друга она резко села на кровати и бросила на него возмущенный взгляд, сопровождаемый такой же фразой:

– Джар, ты чего тут делаешь?

– Мешаю тебе уйти на Лицевую. Ты должна отдохнуть,

поспать хоть одну ночь нормально.

– Ты не понимаешь! Веронику сбила машина, я даже не знаю, где она!

– Это не повод, Ли. Ты же знаешь, что твоя пустая в больнице. Лицевики не бросают своих валяться на улице.

– Мне нужно ее проверить, Джар!

Она говорила с таким пылом, что юному магу стало страшно. А ведь их предупреждали об этом. Просили не проводить столько времени на Лице. Стиллеры начинают чахнуть без воображения, без свободы, без лицевого мира. Они становятся зависимы. Все их мысли, а позже и души остаются там. Но он никогда не верил, что это произойдет с Ли. Но тогда как объяснить ее поведение? Привязанностью к пустой? Да, конечно, она заботилась о Веронике, но неужели настолько?

– Ли, ты никуда не пойдешь. Seriously, тебе нужен отдых. Отдай-ка мне морфеев проводник.

– Нет, послушай! Мне надо ее проведать, понимаешь? Она же... она же настоящая, Джар!

– Ну конечно, не игрушечная! Не пори чушь, Ли!

Стиллер в отчаянии обхватила голову руками. Тонкие бледные пальцы сжались сквозь пряди черных волос. Ее голос звучал устало, бесцветно:

– Ты не понимаешь... Знаешь, что я выяснила? Все пустые рождаются людьми, – чем больше она говорила, тем сильнее становилось звучание ее голоса, – У них есть свои

души, Джар! Их выращивают, как скот, а потом убивают. Они убивают детей! Ты понимаешь? И Вероника, моя Вероника была когда-то маленькой девочкой. Живой, настоящей малюткой, из которой вынули душу, чтобы я могла входить в ее тело. Я должна ее проведать.

Джарвин в два шага пересек комнату, сел на кровать рядом с Ли и одним махом сгреб ее в объятия и прижал к груди. Вышло неловко, но подруга отзывчиво прильнула к нему, не проронив ни слова. В ночной тишине послышались сдерживаемые рыдания. Что-то щелкнуло в сознании Джара. Разве можно вот так, в один миг, понять, что ты повзрослел? Но для него так и было. Юный маг частенько это повторял, заставляя окружающих верить в свою взрослость, но прежде сам не верил. И вот теперь, утешая Ли, он все понял. Понял, каково нести ответственность за друга. Осознал с поразительной ясностью, что прямо сейчас само его существование делает жизнь другого человека пусть чуточку, но лучше.

И то, что старшая подруга не побоялась показать ему свою слабость, говорило лучше любых слов. Пять лет они жили бок о бок, но до сих пор Джар ни разу не видел даже намека на слезы. Пять лет Лианелла оберегала и защищала его, забыв о себе самой. Пять лет, за которые она своей любовью и заботой превратила его из уличного оборванца в перспективного мага. Пять долгих лет, которые Ли была ему матерью, пусть и разница в возрасте у них была в чертову дюжину лет. Теперь пришел черед отдавать долги. Он уже не тот

оборванный и испуганный мальчишка. Однажды он станет равным ей. И начинать пора уже сейчас.

Он гладил Ли по голове и укачивал, как великовозрастного ребенка. Она тихо всхлипывала, но скоро перестала.

– Не ходи на Лицо сейчас, ладно? Отдохни. А когда вернется Иен и мы составим маршрут, то отправим тебя к Веронике.

– Хорошо, – едва слышно отозвалась Ли.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Джарвин поверил. Он не стал забирать у нее морфеев проводник, требовать клятвы или продолжать убеждения. Знал, что не обманет. Ее дыхание становилось все спокойнее и глубже. «Уснула» – с удивлением понял маг. Он мягко уложил Ли на подушку, укрыл пушистым одеялом и тихо выскользнул за дверь.

В эту ночь для него все переменялось. Джарвин так и не уснул до утра, все крутился и размышлял о том, что случилось, и о том, что только могло случиться. Ясно одно – это путешествие раз и навсегда перевернет весь его мир.

Против такого волнения Джар знал только один рецепт: берете щепотку энтузиазма, ставите себя рядом с рабочим столом и трудитесь до тех пор, пока не позабудете свое имя. Рецепт как всегда сработал безотказно: Джарвин даже не замечал, как просыпались и выходили в общее помещение фургона его попутчики. И только когда они все собрались,

расселись на двух диванах и принялись оживленно беседовать, Джар отметил, что стало шумновато, и стал искать источник назойливых звуков. Вот тогда он и увидел общее собрание, к которому поспешил присоединиться.

Иль, прежде не знакомый с нечеловеческим упрямством Старца, пытался убедить его в своей правоте:

– Послушайте, Старец, при всем уважении к вашим сидинам: вы не правы! Мы должны как можно скорее двинуться в путь. Чем дальше мы стоим, тем выше шансы попасть прямо в распахнутые объятия отдела взыскания! Мы должны выезжать немедленно. Да скажите ему кто-нибудь!

Джарвин и Ли хором рассмеялись.

– Иль, – успокаивающим тоном обратилась к нему Ли, – Не утруждайте себя! Вы сейчас сыпете сахар в море.

Все удивленно повернулись к ней. Невысказанный вопрос витал в воздухе, и стиллер поспешила объяснить:

– Это такое сравнение. Как если бы вы стали сыпать сахар в море, чтобы то перестало быть соленым.

– А зачем это делать? – деловито осведомился Иль, позабыв, кажется, о своем горячем споре.

– Ну, вдруг бы вы решили, что вам хочется сделать море сладким?

– С чего бы это вдруг?

Серьезность Иля превышала все разумные пределы. Неизвестно, чем бы закончились расспросы, если бы посреди комнаты не возник Иен.

– А вот и я! Соскучились?

– Для призрака ты чересчур жизнерадостный! – притворно возмутилась Ли.

– Это потому, что я не мертвый! – парировал Иен.

Старец перебил обоих:

– Ну что, Иен, есть свободный путь?

– Есть! – беззаботно отозвался призрак, – Через Большой Испытательный Полигон.

Повисла гнетущая тишина, сквозь которую прорезался тонкий голос Амы:

– Через тот самый Большой Испытательный Полигон?

– А ты знаешь еще один, не тот самый? – в голосе Джарвина звучал сарказм, хотя на самом деле он силился скрыть испуг.

– Итак, – спокойно подытожил Иль, – Мы едем через полигон Корпорации Изобретения и Внедрения? Вы ведь о нем толкуете?

– А что, у нас есть другой выбор? – получив в ответ лишь всеобщее молчание, Ли продолжила, – Так я и думала. Тогда держите курс на БИП, а я пока отлучусь ненадолго.

Ли подмигнула Джарвину и скрылась за дверью своей комнаты. Остальные принялись изучать карты и прокладывать новый маршрут.

Глава 7. Вероника

Вероника открыла глаза в полной темноте. Невозможно! Время в обоих мирах течет одинаково, а с Изнанки она ушла утром. Значит, и на Лице должно быть утро, разве нет? Логика логикой, а факты оказались куда упрямее: в комнате – или где еще она очутилось – клубился кромешный мрак. Что теперь? Попробовать подняться? При первом же движении правая половина тела отозвалась острой болью, будто в кожу одновременно воткнули сотни длинных игл. Вероника невольно вскрикнула.

– Очнулась? Как себя чувствуешь? – спросил из темноты довольный мужской голос и тут же угрожающе предупредил, – Зажмурься, сейчас свет пушу.

Вероника предпочла не спорить и поступила, как велено. Яркая вспышка не заставила себя ждать и расплылась красным пятном по векам. Медленно, чтобы хоть чуточку привыкнуть к свету, девушка открыла глаза и все равно болезненно зажмурилась от беспощадного утреннего солнца, лившегося сквозь открытые жалюзи. В воздухе витали пылинки и едва уловимый запах больницы. Вероника лежала на необъятной кровати, застеленной свежим бельем безликого серого цвета. Рядом стояло глубокое кресло, в котором и сидел источник довольного голоса – не менее довольный муж-

чина. Весь его облик лучился жизнерадостностью: от короткого ежика темных волос до кончиков носков дорогих лакированных туфель. На загорелом лице светились ясные серо-голубые глаза, и смотрели они уже с беспокойством: Вероника не отвечала, вызывая у мужчины опасения за ее здоровье.

Она быстро об этом догадалась и отозвалась, вспомнив наконец, что он задал ей вопрос:

– Спасибо, чувствую себя паршиво. Где я?

– В моей клинике.

– А почему кровать тогда такая огромная? – спросила Вероника и сразу пожалела: неужели поумнее вопроса не нашлось?

– Палата повышенной комфортности. Любой каприз клиента, как говорится. Остальные палаты заняты, вот и положил тебя в эту. Не бойсь, завтра выпишу: переломов и трещин у тебя нет, отделалась легкими ушибами. Моей машине и то больше досталось.

Румянец буйным цветом расцвел на щеках девушки. И не только оттого, что Веронику обуял стыд за помятую машину. Она вдруг осознала, что лежит под простыней в одной тонкой больничной сорочке. А что это значит? Кто-то ее передел. И Вероника догадывалась, кто. Под давлением смущения настоящий характер прорезался сквозь внешность пустой:

– Раз уж вы меня раздевали, может, соизволите хотя бы

представиться?

Мужчина довольно рассмеялся:

– Ты смотри, она еще и с характером! Ни тебе «извините», ни тебе «спасибо», сразу в бой! – Он отсмеялся и продолжил уже спокойнее, – Ладно тебе, не кипятись. Вячеслав меня зовут, можно просто Слава. И давай на «ты», раз уж я тебя раздевал?

Если и можно было покраснеть еще сильнее, то Веронике это, без всяких сомнений, удалось. Девушка глубоко вдохнула и почувствовала терпкий запах духов, который не замечала раньше. По телу пробежала дрожь, дыхание невольно участилось. «Тихо, тихо, девочка, – Ли уговаривала тело пустой, как дикую лошадь, – Дыши глубже, ты совсем не хочешь этого доктора». А ведь доктор был хорош! Вопреки тому, что его взгляд обладал профессиональной цепкостью, а движения – скупостью, от него так и веяло какой-то первозданной, дикой мощью и притягательностью. И молодому телу Вероники с трудом удавалось сопротивляться этому магнетизму.

«Пора делать ноги» – справедливо заключила она и стала глазами искать свою одежду.

– Все твои вещи в шкафу.

– Откуда вы знаете, что я ищу? То есть, ты.

– Ну а что еще может искать голый человек, очнувшийся шут знает где в сомнительной компании?

– Так ты признаешь, что твоя компания сомнительная?

– Только до тех пор, пока ты со мной не познакомилась.

Вот увидишь, я само воплощение добропорядочности.

Вероника не успела ответить – послышался деликатный стук в дверь, и в комнату изящно скользнула хорошенькая медсестра с полным подносом еды. Она ловко водрузила его пострадавшей на колени, ободряюще улыбнулась и скрылась за дверью, едва та успела произнести «спасибо».

– Приятного аппетита. Ты пока завтракай, а я отлучусь по делам. Вернусь минут через пятнадцать, когда ты будешь сыта и готова к диалогу.

«Ага, как же!» – подумала Вероника, но в ответ только улыбнулась Славе. Он вышел за дверь. Несколько секунд де-вушка прислушивалась к удаляющимся шагам, после чего быстро отставила поднос в сторону и вскочила с кровати, не обращая внимания на боль. В шкафу действительно нашлись все ее вещи, и она спешно оделась, бросив сорочку на постель, и метнулась к окну. Повинуясь резкому движению руки, уползли вверх жалюзи. Повезло: второй этаж, решеток на окнах нет. Зато они обнаружили на первом этаже. Идеально.

Хорошее настроение вытеснило остатки боли и пробудило аппетит. Поднос источал божественные запахи омлета, сливочного масла, кофе, свежей выпечки и корицы. Разве можно тут устоять? Никогда еще Вероника не ела так быстро. Но уплела все до последней крошки и с довольной улыбкой вылезла в окно.

Через полчаса она уже тряслась в вагоне метро. Жаль, ве-

лосипедом пришлось пожертвовать, а ведь как было бы здорово сейчас прокатиться. И недалеко – клиника оказалась всего в паре станций от ее работы.

Вероника вышла на конечной и решила напрямик бежать на маршрутку, но вдруг передумала. В глубине души зародилось смутное сомнение, навязчивая необходимость отправиться не в безопасное укрытие, как советовал разум, а проверить, как там Олег. Ох уж эти лицевики со своей интуицией, никакого с ними покоя!

До дома друга от метро было всего ничего, дорога промелькнула одним смазанным зеленым пятном, в котором в глазах Вероники превратился парк. Чем ближе она подходила к своей цели, тем сильнее мучала ее тревога, даже руки слегка дрожали, когда она проворачивала ключ в замочной скважине.

Тревожилась она не напрасно. Олега не было. Крадучись Вероника прошла по всем комнатам, заглянула на кухню и в уборную, но Олега и след простыл. В душе затеплилась надежда. Мог ли он очнуться и уйти? Вдруг он сбежал из Корпорации? Маловероятно, но проверить стоит. На всякий случай она вытащила из рюкзака мобильный, набрала номер друга и вскоре услышала, что телефон отозвался из глубины квартиры. Неужели сбежал без телефона? А на экране мобильного высвечивалось сообщение о том, что у нее больше десяти непринятых вызовов от одного и того же человека. После оставалось только позвонить Мариночке и узнать, что

стряслось. Медсестра ответила сразу и без лишних приветствий сообщила:

– Ну слава Богу! Думала, уже не дозвонюсь до вас!

– И вам здравствуйте, Мариночка! Что случилось?

– Получила я ваше сообщение вчера днем, но поручение не выполнила.

– Это я знаю. А почему?

– Пришла я, значит, к Олегу Николаевичу. Ближе к вечеру это было. Пришла, а там мужчины какие-то. Не пустили меня.

– Как же это – не пустили?

– Так и сказали: не пустим. Иди, говорят, откуда пришла. Только сперва больно дотошно меня спрашивали, не понравилось мне это все.

– А что спрашивали?

– Да что они могут спросить? Чего пришла, откуда Олега знаю, кем прихожусь. Ну я им и сказала, что я тетка его, вот, племянника навестить зашла. Вроде поверили да спровадили, мол, Олег в командировке и вернется нескоро.

Вероника от души хлопнула себя по лбу. Надо было так сглупить и представиться его родственницей! Наверняка за Олегом пришли с Изнанки. И уж они-то знают, что у него нет здесь никаких теток. Но огорчать медсестру не хотелось, так что девушка изо всех сил постаралась придать своему голосу беззаботное звучание:

– Спасибо вам, Мариночка! Вы не переживайте, все будет

хорошо. Я вам позвоню, если понадобится, ладно?

Та с удовольствием согласилась и пообещала ждать звонка. А Вероника поспешила поскорее убраться из квартиры – если здесь был кто-то из изнаночников, значит, теперь тут небезопасно. Не факт, конечно, но ради чего лишний раз рисковать? Ладно, вдох, выдох – и пошли. Главное, двигаться спокойно и как ни в чем не бывало. Если за квартирой следят, то не стоит привлекать к себе лишнее внимание. И для пущей уверенности стоило спуститься в метро, затеряться в толпе и только потом возвращаться обратно на свою станцию и двигаться домой. Так она и поступила. А по пути все гадала, удалось ли Олегу сбежать от Корпорации?

До своей квартиры Вероника добралась через полтора часа. Тело нещадно ломило, так что она буквально упала на кровать и чуть было не уснула, если бы не восторженная трель телефона. На дисплее высветилось «Самый лучший доктор».

– Это еще что за чушь? – вслух осведомилась Вероника, но трубку все равно взяла, – Слушаю.

Из динамика полился тот самый глубокий бархатистый голос, который утром сводил ее с ума:

– Ну что, беглянка, можно считать тебя здоровой, раз ты из окна смогла вылезти?

– Откуда у вас мой номер?

– Из рюкзака, вестимо.

– А вам не кажется, что это не слишком учтиво, Вячеслав?

– А я, кажется, просил перейти на «ты», разве нет?

– А это не вежливость, а оскорбление!

– Даже так? Интересный подход к снаряду. Может, ты меня еще свиданием оскорбишь?

– Может, и оскорблю!

Вероника сама не поняла, как это вырвалось, и тут же прикусила язык, но было поздно.

– Заеду за тобой в восемь. И не надевай тугую одежду, у тебя ушиб мягких тканей.

Вероника хотела было отказаться, но не успела – в трубку посыпались гудки. «И откуда он знает, где я живу?» – лениво подумала она и уснула. Разбудил ее все тот же настырный мобильный телефон. Спросонок она подняла трубку, даже не посмотрев на определитель.

– Только не говори, что ты еще не готова!

Остатки сна разлетелись, как стая летучих мышей от света фонарика.

– Ты меня разбудил.

– Неудивительно!

Голос в трубке оборвался, уступив место гудкам. Вероника села на кровати, неловко потянулась, екнув от боли и отправилась умываться, прежде сменив надоевшие джинсы с блузкой на удобную домашнюю футболку лимонного цвета. За дверью ванной комнаты поджидала душевая кабина, которая манила с непреодолимой силой.

Стоя под горячим душем, Вероника снова и снова возвра-

щалась мыслями к Славе, хоть и не хотела о нем думать. Но почему он бросил трубку? Обиделся? Или решил, что ей наплевать, раз она уснула? Или, может, воспринял это заявление как отказ и ее нежелание с ним встречаться? А действительно, хотела ли она этого? Вероника – точно. А Ли? Хотела ли этого Ли? Эта мысль решительно отбила всякое желание продолжать размышления. Куда лучше погрузиться в наслаждение от бегущей по телу воды.

Вероника так расслабилась в душе, что потеряла не только счет, но и ощущение времени. И, когда она вышла из ванной, ее встретил настойчивый звон дверного звонка, который не прекращался ни на секунду. Сперва по позвоночнику пробежал холодный колкий страх, но после Вероника решила, что изнаночники не стали бы так трезвонить в дверь. Может, она залила соседей снизу? Или, чем черт не шутит, пришел Слава?

Черт не шутил. Слава стоял на пороге и держал в руках два увесистых пакета из местного супермаркета. Он с легкостью внес их в открытую дверь и широко улыбнулся:

- Если ты не идешь на свидание, то свидание идет к тебе!
- А ты настойчивый, как я посмотрю!
- Что есть, то есть. А еще очень скромный и потрясающий. Где разуться можно?

– Отказы не принимаются, да? – едко спросила Вероника и, не дожидаясь ответа, указала на центр прихожей, где на коврике аккуратно были расставлены туфельки разных ма-

стей.

Слава быстро разулся, не менее аккуратно поставил свою обувь рядом с красными лодочками и спросил, где кухня.

– Я начну готовить, а ты сходи оденься и высуши волосы. Не хочу тебя лечить, когда ты простудишься.

Только тогда Вероника осознала, что стоит перед ним с мокрыми волосами и в одной тонкой футболке, на груди которой красуется беззаботное голубое сердечко с надписью «come back to bed». Лучше не придумаешь! Она залилась румянцем, неудачно попыталась скрыть его, опустив волосы на лицо, и спешно ретировалась в спальню.

Фен шумел с такой силой, будто силился заглушить настойчивые мысли. Впрочем, безрезультатно. Вероника никак не могла собраться. В такие минуты ее человечность достигала, быть может, предела. Но точно одно: все меньше и меньше в ней оставалось стиллера. А ведь ее предупреждали. Говорили, что нельзя проводить столько времени на Лицевой. Сколько их уже было, этих стиллеров, съехавших с катушек? О них молчали, старались не упоминать и как будто даже не верить в их существование, но они были. Опустошенные, загнанные в угол, потерявшие последнюю надежду на нормальную жизнь. Это воображение, эти чувства, эти мечты и страхи становились самым мощным наркотиком.

И сейчас Вероника боялась. Боялась безотчетно, безрассудно, как умеют только жители Лицевой. Изнаночник анализирует, взвешивает, рассчитывает уровень опасности и бо-

ится только тогда, когда шансы несчастья велики. Лицевому же чужд расчет, когда дело касается эмоций. А сейчас Вероника приближалась к самому своему «лицевому» состоянию за всю жизнь. Слава действовал на нее как магнит, вносил раздор в ее душу и разум, злил и притягивал ее одновременно. Она даже самой себе не могла объяснить, почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.